

— Ой, ну чего ты кипя-
тишься, Кряк, — мило
улыбаюсь. — Ты разбил
мне сердце, я сломала
тебе руку. По-моему,
мы квиты.

ЛЮБОВЬ
И
МАГИЯ

О ДЕМОН. ОДИНОЧКА

МАРГАРИТА БЛИНОВА

Annotation

Что делать, если у тебя неожиданно вырастают клыки и когти, а внутри клокочет настойчивое желание покусать кого-то? Дождаться специалистов управления по надзору за демонами и постараться не загрызть некстати подвернувшегося под руку главного редактора.

Каково это — в двадцать лет вдруг узнать, что ты и не человек вовсе? Тяжело... Тем более если выясняется, что такая ты не нужна людям, а быть демоном банально не умеешь.

И выход только один — остаться одиночкой...

Ну уж нет! Не тот у меня характер. На каждый пинок судьбы я отвечу ехидной улыбкой, на каждый выпад вселенной — оптимистично махну рукой. Что бы ни случилось, я заново построю свой мир, в котором будут и друзья, и радость, и самый лучший в мире демон.

Маргарита Блинова

Демон. Одиночка

© Блинова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

— Посмотри на меня. Живо! — хрипло приказал мужчина.

Я послушно повернулась, встретила взглядом с незнакомцем и, словно замороженная необычным оттенком сине-зеленых глаз, замерла.

Мой спаситель находился всего в каком-то полуметре, бесстрашно протягивая правую руку открытой ладонью вверх. Прямой нос с едва различимой горбинкой и насупленные темные брови делали его лицо суровым и сосредоточенным, но вполне себе симпатичным.

Немного смутившись из-за того, что так пристально разглядываю незнакомца, я пару раз смущенно моргнула, но отвести взгляд побоялась.

— Молодец, — похвалил мужчина, высунувшись из открытого окна проектировщик знает какого этажа. Ветер трепал его темные короткие волосы, кидал пряди на высокий лоб, но он словно не замечал ни высоты, ни грозящей опасности, концентрируясь только на испуганной неудачнице, то бишь на мне.

— Слушай внимательно и смотри только на меня, — перекрикивая ветер, сказал обладатель гипнотического взгляда. — Сейчас ты сделаешь два шага в сторону, протянешь руку, и я осторожно втолкну тебя внутрь. Все поняла?

Закусив дрожащую от страха нижнюю губу, я медленно кивнула и, не удержавшись, бросила мимолетный взгляд вниз.

— Нет! Смотри на меня.

Но было поздно.

Широко открытые от ужаса глаза успели зацепиться за плотный ряд крохотных машин, стоящих на узкой парковке внизу, за переполненный мусорный контейнер и едва различимую с такой высоты бело-серую будку пропускного пункта, а затем первобытный страх сковал мою волю и ледяной рукой сжал внутренности.

Продолжая удерживать металлический поручень побелевшими от напряжения пальцами, я прижалась лбом к пыльному от вечного смога оконному стеклу и тихонько заскулила от накрывшей меня безнадежности.

Говорят, что за секунду до смерти в мыслях у человека пролетает вся жизнь, но в моем случае перед глазами мелькнула только последняя неделя.

А все началось в прошлую пятницу...

В четыре закончилась экстренная верстка, в шесть номер успешно ушел в тираж, а через пятнадцать минут мы уже собрались на планерку. За овальным столом чинно восседали пятеро усталых корреспондентов, задержанный фотограф и вернувшаяся после спа-процедур начальница.

— Приступим! — холодно бросила главный редактор по имени Анастасия Александровна, а по существу — законченная стерва. — Ваши предложения относительно новых статей для номера.

Мы переглянулись, по опыту зная, что первый, кто откроет рот и предложит Стерве заголовок, будет неизменно втоптан в грязь и литературно уничтожен Анастасией Александровной.

По жребию, брошенному в «чайной» еще во время перерыва, жертвой планерки должен был стать Виталька Грек, но молодой мужчина — который в двадцать два года умудрился обзавестись аж тремя дочками — почему-то нервно щипал себя за куцую рыжую бороденку и

гипнотизировал взглядом пустой лист блокнота.

— Г-хм, — то ли кашлянул, то ли зашипел от боли Грек, когда я осторожно толкнула его под столом ногой.

— Замечательно, Виталий, с вас, пожалуй, и начнем...

Дальше все пошло по накатанной. После словесной расправы над Греком Стерва уже куда более спокойно и демократично принялась выслушивать остальные предложения. Немного замечтавшись о том, как проведу грядущие выходные, я совершенно упустила из внимания остаток планерки и очнулась, когда Анастасия Александровна постучала по столу кончиком золотого паркера.

— Яблокова, — растягивая рот в хищной улыбке, сказала Стерва, — твою тему берет Грек. Он парень, а статья, подписанная мужским именем, привлечет внимание у молодежи призывного возраста...

Заметив возмущенный взгляд подчиненной, высокая, излишне худая блондинка откинулась на спинку кожаного кресла и картинно приподняла искусно нарисованные брови.

— Какие проблемы, Яблокова? — холодно поинтересовалась Стерва.

«Да, кое у кого-то ботокс начал отходить», — мысленно позлорадствовала я, наблюдая, как всегда неподвижные брови главреда сдвинулись с места и поползли на лоб.

— Никаких проблем, Анастасия Александровна, — максимально сдержанно ответила я, хотя все внутри кипело и булькало от высшей степени рабочей несправедливости. — Просто... думаю над новой темой для статьи, — покривила душой.

— Это излишне, — властно пресекла Стерва попытку думать без ее ведома.

Анастасия Александровна никогда не казалась мне красивой. Острые скулы и тяжелый мужской подбородок сильно портили ее и так не слишком симпатичное лицо, но когда Стерва улыбалась своими тонкими губами, обведенными красной помадой, становилось еще хуже.

— Для тебя, Яблокова, у меня особое задание.

«Особое задание» — вот он первый тревожный звоночек! Первый кусочек головоломки, приведший меня на край гибели. Ведь все, о чем «просит» главред, находится в области невозможного...

Мощный порыв ветра качнул металлическую подвесную конструкцию и заставил мое сердце екнуть от страха.

— А-а-а-а! — завывала я похлеще любого кентервильского привидения, продолжая прижиматься лбом к грязному стеклу здания.

— Девушка, — продолжал настойчиво звать незнакомый мужчина. — Девушка, сделайте глубокий вдох и просто посмотрите на меня.

Но я не могла пошевелиться. Внезапно поднявшийся ветер принялся раскачивать из стороны в сторону и так неустойчивую конструкцию, колесики бились в оконное стекло, и было совсем жутко. Сердце проваливалось в пустоту через каждые десять секунд, тело вздрагивало от липкой волны страха при каждом ударе, а сведенные судорогой пальцы еще крепче цеплялись за перила.

Подумать только, а ведь в первую пару секунд задание от Стервы показалось мне простым. Помню даже свою довольную улыбку, когда услышала тему.

Ей-богу, я была счастлива так, будто вернулась в детство и вновь поверила в Деда Мороза. Ведь все, что от меня требовалось, — это лишь договориться об интервью с главой немецкой компании по производству медицинского оборудования «Калитит».

Мысленно уже поздравляя себя с повышением-продвижением-почетом, которые светили мне, Эвелине Яблоковой, в ближайшем будущем, я добралась до компа, открыла поисковик и... приуныла.

Сорокапятилетний Мариус Буркхард оказался на редкость непубличным человеком. Ни одного интервью ни от него самого, ни от его любовниц, ни от прислуги, ни от бывших работников компании, ни тем более от родственников, безвылазно проживающих в Германии.

Официальная попытка договориться об интервью «по-хорошему» потерпела оглушительное фиаско. Хорошо поставленным голосом вежливая секретарь четко и профессионально отфутболила корреспондентку не самого известного журнала куда подальше. Я даже невольно зауважала незримую собеседницу.

Не сумев добиться интервью официальным путем, я пустилась в активное преследование Буркхарда.

Надо отметить, немец оказался действительно невероятно занятым человеком. Я едва успевала следить за его расписанием и перехватывать во всех возможных местах. В отчаянье подловила одну из любовниц немца, решив сделать из нее «проверенный источник», на который сошлюсь в статье, но легкомысленная на первый взгляд девица сплетничала обо всем, кроме Мариуса Буркхарда.

На третий день слежки до меня наконец дошло, что преследования ни к чему не приведут и уже давно пора сменить тактику на более выигрышную.

Пришлось идти на крайние меры. План был прост: прыгнуть под колеса паркующегося автомобиля, а затем вынудить неговорящего бизнесмена дать пострадавшей журналистке интервью в качестве откупа за ее молчание.

Подстроенная автомобильная авария прошла как по нотам. Мариус Буркхард участливо предложил отвезти задетую его машиной девушку в больницу, но на провокацию и шантаж не повелся.

Вместо интервью водитель отвез меня в больницу, где после обработки трех царапин зеленкой врач лично отзвонился Буркхарду и сообщил о состоянии моего здоровья. Далее неудачливую шантажистку отвезли домой, а вечером с курьером были доставлены огромных размеров корзинка с фруктами и шикарный букет.

Букет я передарила Стерве в надежде смягчить ее каменное сердце и вымолить еще пару денечков отсрочки, но глыбу льда в груди женщины оказалось не так-то просто растопить.

— Работай, Яблокова! Крайний срок — пятница!

Под конец недели в душе поселилось настойчивое желание прибить этого неговорящего гада.

— Это невозможно! — зло выругалась я в четверг вечером.

Но уже через пятнадцать минут, встретив Стерву в коридоре, поняла — невозможное вполне себе возможно, если на тебя очень сильно давит главный редактор.

В итоге я всю ночь искала компании, работающие в сфере клининга, и таки нашла ту, которая использовала специальные подъемники. Нашла, заказала, выклянчила у Стервы бюджет на оплату этого рискованного и незаконного предприятия. Подумав немного, связалась с братом Димкой, который в случае чего честно пообещал забрать «неодаренную мозгом сестру» из обезьянника.

Тогда идея казалась мне простой и гениальной. Я залезаю в специальный подъемник, который рабочие спускают на нужный этаж, и далее журналистка под прикрытием начинает

увлеченно водить мокрым валиком туда-сюда по окну кабинета Мариуса.

Пользуясь защитой рабочей спецовки и обязательной для таких дел желтой каски, которые делали меня совсем неузнаваемой, я намеревалась понаблюдать, как Мариус Буркхард проводит свой рабочий день, сфоткать пару его личных встреч с другими бизнесменами и на основе этого состряпать статейку. Если повезет с визитерами, возможно, даже скандальную.

Это, конечно, не интервью, которое требовала Стерва, но уже что-то. И я надеюсь, этого банального «что-то» хватит на то, чтобы женщина дала мне еще неделю для попытки.

Спустить-то меня спустили. Вот только ни о какой съемке и наблюдении уже и речи быть не могло.

Просто, находясь на нужном этаже, я зачем-то посмотрела вниз и внезапно поняла, что панически боюсь высоты. Тело среагировало без моего на то участия — попа сама собой опустилась на металлическую сетку, заменяющую пол в подъемнике, руки вцепились в холодные, даже несмотря на летнюю жару, поручни, а я сама начала бояться. В моем исполнении это было похоже на тихий, печальный скулеж.

Поняв, что статья того не стоит, я осторожно отцепила пальцы от поручня и потянулась к нагрудному карману. Какой дурак придумал липучки? Их же невозможно отодрать друг от друга!

Сейчас, сейчас... Черт с ней, с этой треклятой статьей! Пусть Стерва идет лесом. Обойдусь без всяких повышений, продвижений и прочей чепухи... Надо только позвонить парням наверху и сказать, чтобы поскорее подняли неудачливую журналистку обратно.

Пальцам с великим трудом, но все-таки удалось прорваться сквозь липучку, нащупать недорогой мобильник и вытащить его наружу, а вот дальше...

— Черт! — выругалась я, взглядом провожая телефон в непродолжительный полет.

Черный аппарат упал на пол подъемника, но теперь, чтобы дотянуться до средства связи, пришлось бы встать, разжать пальцы, сжимающие перила, и сделать шаг к самому краю.

Нет, на такие подвиги моей силы воли явно не хватит.

Протяжно заскулив, я прижалась лбом к стеклу и поняла, что с той стороны затемненного окна на меня с явным недоумением смотрят двое мужчин в черных, идеально пошитых костюмах. В первом я моментально узнала объект своей охоты — Мариуса Буркхарда, а вот второй высокий мужчина был мне явно незнаком.

Словно издеваясь над испуганной неудачницей, этот самый незнакомец подошел ближе и смело потянул на себя створку соседнего со мной окна. Я в ужасе зажмурилась. Ну кто ставит открывающиеся окна в офис на двенадцатом этаже? А дальше последовали тщетные попытки вытащить меня из подъемника.

— Просто протяни руку, и будешь в безопасности, — с угрозой в голосе произнес отчаявшийся мужчина, продолжая бесстрашно высовываться из окна чуть не по пояс.

Руку ему протянуть? Ага, разбежалась! Я ему руку, а он меня вниз скинет за этот... Ну как его? За шпионаж, короче!

На всякий случай еще сильнее прижимаюсь к поручням, готовая обхватить их не только руками, но и ногами, и мотаю головой.

— Я не хочу умирать.

Мужчина коротко и зло ругается, прячется обратно. Следом до моего чуткого уха доносятся обрывки приглушенного стеклом разговора на немецком, а затем в окно

неожиданно высовывается сам Мариус Буркхард.

Сорокалетний мужчина улыбнулся так, словно увидел перед собой годовалого карапуза, и засюсюкал:

— А кто это у нас такая смелая, такая решительная девочка?

Меня всегда бесили интонации подобного рода, но почему-то конкретно в этой ситуации я тихонько всхлипнула и исподлобья глянула на улыбающегося мужчину.

— Я? — Впрочем, уверенности в моем голосе было немного.

— Вот видишь! — все в той же успокоительной манере продолжил Мариус. — А смелые девочки не плачут и не кричат. Правда?

Я неуверенно киваю.

— Ты зачем вообще в подъемник залезла? — достаточно миролюбиво поинтересовался бизнесмен, продолжая безбоязненно высовываться из открытого окна.

— Так это... — соображать почему-то сложно. — Вы же неуловимый... А я... А мне Стерва сказала, что сдать сегодня... А вы отказывали в интервью... Вот и получилось!

Мужчина прищурил глаза цвета горького шоколада с маленькими светло-желтыми пятнышками около зрачка и окинул меня внимательным взглядом.

— Журналистка! — моментально сообразил бизнесмен.

Я кивнула и вымученно улыбнулась.

— Мариус! — неожиданно кричит кто-то — судя по звуку, прямо из моего кармана. — Мариус! — еще раз кричит карман, и я вспоминаю, что там рация.

— Мариус, мы поднимаем эту... — судя по тому, как захрипела рация, мужчина явно хотел сказать «идиотку», но сдержался. — Подъемник поднимается, — исправился голос из кармана. — Предупреди девушку.

Мариус что-то негромко сказал по-немецки, судя по всему от души выругался, и как-то устало посмотрел на меня. Почему-то стало так неловко перед этим невероятно занятым бизнесменом, которому неудачливая журналистка доставила столько ненужного геморроя, что я дрожащим голосом пообещала:

— Постараюсь не орать.

И стойчески держала данное слово.

Зажмурившись, мелко тряслась, стараясь не думать о том, что тросы могут лопнуть, что сетчатое днище подъемника окажется плохо приваренным, и конечно же, только об этом и думала.

В чувство меня привел ехидный смешок и прозвучавшая следом фраза:

— А теперь руку дашь?

Подняв голову, я наконец увидела своего спасителя вблизи.

Он стоял прямо передо мной, ехидно улыбался и смотрел с каким-то непонятным интересом. Высокий, опасный, с чертами прирожденного лидера, скрывающимися за спокойной уверенностью во взгляде. И хотя я не слишком разбиралась в мужской красоте, наверное, про этот конкретный экземплярчик можно было с уверенностью сказать — чертовски хорош.

— У тебя очень необычный цвет глаз, — неожиданно сделал комплимент мужчина, в свою очередь тоже придиричиво разглядывая замершую на полу подъемника журналистку с ног до головы. — Ты в этой штучке вечно собралась сидеть? — насмешливо поинтересовался добрый самаритянин.

Спохватившись, я медленно встала, сосредоточенно подняла ногу, чтобы перелезть через

перила, но мужчина оказался проворнее. Он перехватил меня, легко вынул из подъемника и поставил на крышу. Оказавшись наконец на твердой поверхности, я смущенно отступила на шаг от своего спасителя и заметила его ехидную улыбку.

— Спасибо, — буркаю себе под нос и оглядываюсь по сторонам.

В трех шагах от дверей лифта задумчиво курят четверо шкафообразных мужчин. И я не преувеличиваю. Мой старый гардероб времен Советского Союза приблизительно такой же по габаритам. В уголке крыши тихо лежат трое рабочих, что помогали мне спуститься. Я бы тоже вела себя как мышка, если бы мои руки и ноги были скованы пластиковой стяжкой, а рот заклеен полоской скотча.

Та-а-ак-с... И что мы имеем?

Судя по всему, бесстрашный незнакомец с язвительной улыбочкой — начальник личной охраны Мариуса Буркхарда, а значит, сейчас меня в компании с недовольными рабочими перенаправят в ближайшее отделение полиции, и я мало того, что работу потеряю, так еще и срок могу схлопотать...

Сзади пищит звонок, я поспешно оборачиваюсь на звук открывающихся дверей лифта и вижу сердитого Буркхарда.

— Мариус, простите меня, пожалуйста, — покаянно стаскиваю с головы желтую каску.

Мне редко бывает стыдно — все же профессия накладывает своеобразный отпечаток, но вот сейчас я готова была пролететь все двенадцать этажей вниз и провалиться под землю.

— Яблокова? — уточняет мужчина. — Эвелина Яблокова?

Осторожно киваю. Хотя и псевдоним, но все равно как-то боязно.

— Жду вас у себя в кабинете. На интервью максимум семнадцать минут, — сухо произнес мужчина. — И постарайтесь по дороге вниз больше не выкинуть ничего столь же неординарного.

Интервью? Мне не послышалось?! Интервью?!!

За полсекунды мои руки каким-то волшебным образом расстегивают все пуговицы синей спецовки, и она летит на пол. Затем вниз съезжают безразмерные штаны, и я остаюсь в черных лосинах, бежевой легкой тунике и тряпочных кедах.

— Мариус, — кидаюсь следом за бизнесменом к лифту, — вы же не станете возражать, если я буду пользоваться диктофоном?

Мужчина безрадостно кивает головой, дарит вежливую улыбку и набирает код лифта.

— Статья должна уйти на верстку к двум, поэтому готовый вариант могу прислать вашему секретарю в двенадцать...

Едва не подпрыгивая от счастья, я достаю из кармана блокнот с карандашом, уже предвкушая, как накинусь на Буркхарда с вопросами.

Да здравствуют продвижение, повышение и прочие почести! Утрись, Стерва, ибо я гениальна и крута!

Кто сказал, что на задания надо ходить трезвой?

Нет, я серьезно, кто?! Кто этот вдумчивый консерватор?

Почему тот недалекий человек забыл, что в компании всегда значительно веселее. Тут главное знать, какой градус с собой берешь, и не превышать нужной отметки.

Тихонько напевая какой-то хит с привязчивым мотивчиком, я неуклюже вылезла из вентиляционной системы и одним нажатием кнопки отключила систему безопасности кабинета.

В кабинете стоит густой мрак ночи, но последние полгода темнота совершенно не мешает мне видеть. Огляделась — все на своих местах, словно и не уходила после прошлого взлома. У большого панорамного окна все те же кресла, все тот же массивный стол и книжный шкаф в углу.

Банальщина! С такими бабками на счетах лаэрд мог бы заказать интерьер и повеселее.

Перехватив бутылку с мартини за горлышко, танцующей походкой иду к компьютеру. Нажимаю кнопку старта операционной системы и тут же отщелкиваю кнопку таймера, прикрепленного к запястью. У меня десять минут, не больше. А потом на посту охраны сработает сигнал о включении, и надо будет, как всегда, уносить ноги.

В ожидании, пока утробно рычащая куча умного железа включится, я крутанулась на кожаном кресле хозяина компании, остановилась, закинула ноги на столешницу и потянулась к бутылке.

Хорошо живется этим демонюкам — захватили почти половину финансового рынка. Плюс ко всему, большая часть политически важных постов государственной машины заняты либо чистокровными лаэрдами, либо полукровками.

Ну да ничего! Сейчас Яблокова, как современный Робин Гуд, немного уравнивает эту прогнившую насквозь систему.

Еще один глоток, обжегший горло и согревший желудок, и я наклоняюсь вниз, чтобы поскорее подключить специальный блок для переброски данных.

Кабинет главы компании «Дамир-корпорейшн» я грабила уже третий раз. Любой другой нормальный бизнесмен давно уволил бы главу безопасности и поковырялся в защите собственных данных, но не этот самонадеянный лаэрд.

Неприступная с виду крепость была очень тщательно защищена извне, но никак не изнутри. Этим-то я и пользовалась, беспрепятственно проникая в здание рано утром, взламывала систему охлаждения и терпеливо отсыпалась в вентиляционной шахте седьмого этажа, чтобы ночью пойти на дело.

Сегодня пришлось захватить с собой бутылку мартини и семечки. Согласна — не самые сочетающиеся продукты, но семечки были нужны, чтобы вывести из строя систему охлаждения, а мартини...

Короче, горе у меня!

Почти три месяца бегала за ним, восторженно ловила каждое слово, несказанно радовалась даже мельком брошенному взгляду, чтобы сегодня ночью узнать страшное — мой напарник влюбился в мою лучшую подругу.

— На фига я их только познакомила! — сокрушалась я весь день, сидя в вентиляционном желобе и делая большие глотки прямо из горла бутылки.

Нет, в тот день, когда мы все вместе праздновали Новый год, идея казалась гениальной. На моем фоне стеснительная, неуклюжая Нюша с большими коровьими глазами василькового цвета смотрелась, мягко говоря, не очень выигрышно.

Кто ж знал, что веселой, эмоциональной красавице-умнице — да-да, я именно такая! — Лешка Кряков предпочтет что-то более домашнее!

Он мне именно так и сказал:

— Вот понимаешь, Яблокова, ты вся такая веселая, находчивая, на мордашку симпатичная, но Нюша... Она домашняя!

Собственно, это и стало последней каплей терпения и последним глотком шампанского в бокале.

От продукции хрустального завода напарник увернуться успел, а вот от моего кулака — нет.

Сломав гаду нос, подумала, повторила слово «домашняя», немного обиделась за единственную подругу и сломала возбужнувшему было Кряку еще и руку.

Отправив напарника в травмпункт, я заручилась поддержкой у бутылки мартини и потопала на дело одна.

А что такого? Раньше же я без Лешки Крякова как-то справлялась.

Первые три месяца, пока я училась контролировать свое тело, ко мне вообще опасались ставить напарника, а потом... Потом я запала на Лешку и выклянчила у начальства, чтобы со мной в пару поставили именно его.

Кто ж знал, что Кряк окажется самым настоящим козлом!

Поддержка мартини оказалась столь качественной, что я незаметно для самой себя уснула и проснулась намного позже, чем планировала.

Ну да не беда! Все равно до десятого января в офисе никто не появится. Я имею в виду людей в более адекватном, нежели я, состоянии — ведь у всей страны праздник как-никак!

Делаю еще один поворот на кожаном кресле, торможу себя носками зимних кроссовок и наклоняюсь, чтобы проверить блок, подключенный к usb-разъему навороченного компа.

Черная небольшая коробочка радостно подмигивает голубым огоньком, информируя, что данные с сервера сгружаются в сеть к нашим спецам. Я вновь расслабленно откидываюсь на спинку кресла и задумчиво смотрю в потолок.

Мне двадцать три года, я симпатичная, стройная, с большой грудью и густыми темными волосами ниже лопаток. Характер, правда, дурацкий, но за последнюю пару неудачных романов я очень хорошо научилась притворяться, демонстрируя своим кавалерам только то, что им нравилось, и тщательно маскируя «ненужное».

Кряк был единственным, кто знал меня вдоль и поперек, с кем я не стеснялась быть самой собой, и при этом все равно хорошо ко мне относился. Может, именно поэтому я возлагала такие большие надежды на наш возможный роман и... На тебе! Сама того не желая, в наши отношения влезла Нюша.

Подумать только... НЮША!

Я сажусь ровнее, качаю головой, все еще до конца не понимая, как вообще такое возможно, и мельком проверяю камеры безопасности.

Новогодние сани! Кто это к нам приперся?

На третьей камере коридора мелькают два мужских силуэта, но пропадают прежде, чем я успеваю их опознать. Быстро листаю на экране коммуникатора картинку с изображениями и осознаю, что незнакомцы где-то на нашем этаже. Сверяюсь с часами.

Странно, для обхода охраны еще слишком рано...

А потом нахожу одну из камер, что ведут в кабинет мистера Дамира, и испуганно икаю. Гребаные трудоголики! Ну что им дома-то в праздники не сидится!

Сменяющаяся картинка камер не дает возможности разглядеть спутника мужчины, но в одном я уверена: темноволосый, широкоплечий лаэрд — это Кристоф Дамир, хозяин этого чертова кабинета и кожаного стула, на котором я так дерзко развалилась.

По-хорошему надо бы освободить кресло босса и свалить, пока не поздно. В другой ситуации я бы уже давно вырвала блок из разъема, совершенно не заботясь о безопасном извлечении устройства, и бодро отползала по узким желобам вентиляционной системы...

Но тут неожиданно к делу подключился алкоголь.

Стоило мне отключить блок и приподнять попу с кресла, как градус стукнул по голове и заставил кабинет покачнуться. Я рухнула на четвереньки, попыталась встать и тут же треснулась затылком о стол. Взыв от боли, схватилась за ушибленное место и услышала, как пищит система безопасности.

Твою же...

Не придумав ничего более умного, заползаю под стол и испуганно замираю в надежде, что мужики приперлись ночью первого января в офис исключительно для того, чтобы забрать с полки любимый томик Пауло Коэльо и вернуться домой к сытным салатикам и бухлу.

— Курт, ты обещал не поднимать этого вопроса, — посмеиваясь, говорит хозяин кабинета. — Мы с Авророй не станем переезжать... погоди, — голос мужчины всего за секунду теряет былое веселье и становится напряженным, — что-то не так...

Я зажмуриваюсь в глупой надежде, что под «не так» демон имеет в виду неправильно убраный ковер, или разложенные не по фэншуй стопки журналов, или еще какую-нибудь незначительную хрень, но...

— Здесь кто-то был, — заявляет мужчина. — Позвонишь охране? Скажи, что у нас взлом, а я пока осмотрюсь.

Сжимая руками горлышко бутылки, я дожидаюсь, пока второй выйдет в приемную, и тяжело вздыхаю, намеренно привлекая к себе внимание лаэрда.

Звук шагов, шум отъезжающего кресла, и прямо передо мной появляется настороженно-злое лицо главы компании «Дамир-корпорейшн».

— Ты кто такая?

Мужчина одаривает меня оценивающим взглядом ярких сине-зеленых глаз, замечает бутылку в моих руках и хмурится.

На всякий случай сильнее прижимаю к груди боевую подругу, сигнализируя, что не отдам напарницу, и нагло улыбаюсь:

— Крыска!

Мощный удар ногой, обутой в черный кроссовок, приходится четко в солнечное сплетение присевшего мужчины. Он сдавленно охает и теряет равновесие.

Ух ты! Сроду бы так метко не попала...

Окрыленная успехом, я быстро прыгаю вперед, затем отскакиваю в сторону, невероятно ловко ухожу от захвата и перелетаю через стол. Бутылка все еще в руках.

Вау! Да я красотка!

Выдергиваю из крепежа пистолет с транквилизаторами и уверенно целюсь.

— Стоять! — приказываю я мужчине, а вот дальше во мне говорит градус: — Ты.....!

Лаэрд замирает, бескрайне удивленный то ли моим красноречием, то ли направленным в его сторону пистолетом. Краем глаза замечаю едва заметное движение и наугад кидаю бутылку в ту сторону.

— Зараза! — рычит неизвестный.

Делаю три торопливых шага назад, одновременно доставая второй ствол — с разрывными. Бутылку, конечно, жалко, но своя шкура дороже.

Стараясь удерживать на мушке сразу двух мужчин, отодвигаю ногой одно из кресел, расчищая себе путь для отхода.

— Тебе некуда бежать, девочка, — негромко произносит Кристоф Дамир. — Если не станешь делать глупостей, то я обещаю не сдавать тебя полиции.

Я криво улыбаюсь. Не сдавать полиции? Это он так шутить пытается?

— Девочка, ты же еще ребенок, у тебя есть возможность начать все заново, — произносит второй мужчина.

Реагируя на смутно знакомые интонации, немного поворачиваю голову в сторону второго. Друг Кристофа Дамира оказался неуволимо похож на своего приятеля. Такой же высокий, крепкий, с похожим цветом волос, но немного посветлее.

— Опустит оружие, — говорит он, и я невольно ощущаю на себе чужое давление.

Зря он так! С детства не люблю, когда кто-то пытается на меня воздействовать.

Ощущая себя по меньшей мере Ларой Крофт, я изящным движением поворачиваюсь и делаю два выстрела двумя руками одновременно. Пуля с транквилизатором попадает лаэрду Дамиру четко в грудь и отбрасывает немаленького мужчину назад.

В эту же секунду разрывная пуля попадает в стекло. Осколки с шумом осыпаются вниз, заполняя комнату мелодичным звоном и визгом сирены сигнализации.

Еще один хлопок пистолета, и бросившийся на меня спутник лаэрда, получив свою дозу транквилизатора, падает на пол.

— Пока, неудачники! — фыркаю я и, разбежавшись, смело прыгаю вниз.

Подумать только, а ведь еще полгода назад я до безумия боялась высоты! Бред какой-то...

Восторженно взвизгнув от ударившей в голову смеси из алкоголя и адреналина, я стремительно несусь вниз. Потoki ветра мягко бьют в лицо и плечи, слезящиеся от ветра глаза приходится закрыть и положиться только на инстинкты демона.

Еще немного, еще пара секунд, и можно будет раскрыть бело-розовые, еще не до конца развившиеся кожистые крылья и спланировать на во-о-о-он ту крышу. Оттуда есть четыре пути отхода — два по воздуху, один через шахту лифта здания, а последний через пожарную лестницу и дальше по оживленной улице центра, через перекресток.

Еще секунда, Яблокова. Еще одна... Что за черт!

Кто-то большой, опасный настигает меня со спины и хватает за капюшон куртки. Открыв глаза, разворачиваюсь и прямо в воздухе пытаюсь лягнуть демона.

Попытка выходит жалкой и совершенно несерьезной. Когтистые лапищи хватают меня поперек туловища, прижимают к себе, а массивные черные крылья легко тормозят падение обоих.

— Слышь! — возмущенно рычу я, трансформируя клыки и когти. — Отвали по-хорошему!

Демон с некоторым недоумением смотрит на меня. Пользуясь одним из своих внутренних инстинктов, понимаю, что удерживающий меня демон — тот самый спутник

Кристофа Дамира.

Хм... Неужели я промазала с транквилизатором?

— Ты! — порывисто произносит мужчина и вдруг с каким-то непонятным выражением на морде смотрит на мои крохотные, еще неокрепшие когти.

— Чего вылупился! — рычу я и, пользуясь его временным замешательством, ловко пинаю демона коленом пониже живота.

Взбешенный рык сигнализирует о том, что попала я туда, куда метила.

Ну, Яблокова, ты и даешь! Два попадания из двух!

Воспользовавшись тем, что на пару секунд демон ослабил хват, я руками отталкиваюсь от мощного торса и вырываюсь, оставив вместо себя капюшон куртки и клочок ткани.

Ну вот! Сначала на поле боя пала бутылка, теперь куртка...

Я тоже падала. Падала спиной вниз, внимательно следя за демоном. Падала с тем расчетом, что лаэрд рванет за мной, и не прогадала.

Лаэрд действительно рванул вниз, тут же получил еще две пули, начиненные транквилизатором, и заревел от боли.

— А нечего было за мной в окошко прыгать! — парирую я.

На какой-то миг наши взгляды встречаются. Сине-зеленые глаза смотрят с немим укором и осуждением. Конечно, ведь для этого, покрытого темно-коричневой шерсткой монстра с когтями, зубами и черными кожистыми крыльями за спиной я только что предала своих.

По сути, ведь я тоже демон, чистокровная лаэра...

По сути, но не по существу, а это разные вещи. Проблема в том, что «своими» были для меня люди, но никак не демоны.

Падающий парализованный демон выглядел жалко. Он что-то громко сказал на своем, стараясь перекричать ветер, но я не расслышала, а если бы и расслышала, то все равно не поняла бы.

Мне ни капельки не было жалко этого монстра из чужого мира, мне не было совестно за сделанное — угроза разбиться ему не страшна. Пара переломанных костей, синяки да царапины — вот максимум, который светит обратившемуся демону при падении с такой высоты, но, поддавшись алкогольным парам, делавшим меня более добродушной, расправила крылья и подхватила тяжелое тело парализованного демона.

— Ни фиги себе ты отожрался! — возмущенно рычу я, обхватывая огромного монстра руками и ногами.

Он улыбнулся одними глазами, продолжая смотреть на меня со странной смесью непонимания, удивления и чего-то еще.

— Хорош пялиться! — выпалила я, кряхтя от натуги. — У меня и так сегодня самый стремный день в году!

Лететь с таким грузом у меня не получалось, остановить падение и замереть в воздухе, как это недавно сделал демон, — тоже, поэтому я кое-как с великим трудом планирую к ближайшей крыше. Крылья болят так, словно я впервые их открыла, и я уже представляю, как сильно будут ныть мышцы спины завтра с утра.

Мой груз издает какой-то рокошущее-свистящий звук, пытаюсь вновь что-то сказать на незнакомом мне языке лаэрдов.

— Бамбаргия киргуду! — пародирую я Никулина, и, к счастью, демон затыкается и

больше попыток «поговорить» не делает.

Фух! Никогда бы не подумала, что буду радоваться чужому нежеланию общаться.

Когда до ближайшей крыши остается всего-то пара метров, я отпускаю свой непомерно тяжелый груз и, не прощаясь, взлетаю вверх.

Все, Яблокова, никакой больше благотворительности! Все равно эти монстры не заслуживают хорошего обращения.

И только набрав приличную высоту, кидаю последний взгляд вниз, туда, где, раскинув крылья, валяется обездвиженный демон.

Черт! По ходу, уже не валяется, а сидит!

Да как такое возможно, я же всадила в этого жлоба две пули! Две!!

Ругнувшись нехорошим словом на чрезмерно быстро перерабатывающего транквилизатор демона, я пользуюсь воздушным потоком и быстро теряюсь среди высоток города.

Покружив по городу, я рванула в сторону невысокого серого здания НИИ цитологии и генетики (только не надо путать с тем, что в Новосибирске).

За стареньким облезшим от времени фасадом еще с советских времен скрывался большой современный комплекс, умело «загримированный» под развалины.

Здесь располагается головной офис УНЗД (управление по надзору за демонами), и здесь же находится отдел контроля над демонической сущностью, где я, собственно, и значусь оперативником.

Приземлившись у входа, трансформирую крылья, чтобы не пугать посреди ночи охрану, и смело направляюсь к пропускному пункту.

— Агент девять-семь, позывной — Одиночка, — торопливо оттараторила я и запрыгала с ноги на ногу, в ожидании, пока охранники проверят данные.

Сквозь порванную куртку задувал ветер, проникая аж до кожи на лопатках, но я мужественно стучала зубами и ждала.

Обычно оперативники пользовались чипованными пропусками, которые вживляли им под кожу на указательном пальце, но в моем случае микросхемы растворялись в теле по истечении недели. Забавный бонус, не правда ли? Но почему-то начальство такая особенность моего полулаэрдовского тела бесила.

В конечном итоге всем надоело тратить на штатную лаэру бюджет учреждения и меня перевели на «особый статус прохода», в результате чего я сейчас и мерзну перед постом пропускного пункта в рваной куртке, тихонько ненавидя весь мир.

Нырнув в открывшуюся в воротах дверь, бегом преодолеваю расстояние до входа в здание, чтобы хоть немного согреться. Сейчас быстро доложусь об успехе операции и можно полчаса поспать...

— Какого хрена? Одиночка, я спрашиваю, какого лысого пехотинца ты полезла к Дамиру одна? — орет на меня куратор.

Быстро доложусь об успехе операции и можно полчаса поспать? Яблокова, когда ты уже вырастешь и перестанешь быть такой наивной?

Ковырнув носком кроссовки трещину в досках пола, поднимаю голову и с вызовом смотрю на босса.

— Такого хрена, Вениамин Георгиевич, что Кряк в больнице, а кроме меня, вас и охраны, в управлении трезвых людей 1 января не нашлось! — срываюсь я. — Вот вы бы полезли со мной в вентиляционную шахту?

Невысокий мужчина с пузиком и большими мясистыми ушами злобно смотрит из-под кустистых бровей.

Вот бли-и-ин!

Яблокова, ты уже полгода в управлении, а все никак не отучишься хамить руководству. Теперь же этот зануда лекцию о соблюдении субординации закатит, а потом еще пятнадцать минут будет вспоминать, как во времена его молодости к старшим оперативникам относились с почетом и уважением.

— Вот во времена моей молодости...

Я закатываю глаза, и куратор смолкает.

— Эвелина, ты невоспитанная хамка! — миновав часовое ворчание, подводит итог

Вениамин Георгиевич.

Согласно киваю. Хамка, это да, это вот прям в точку. Но у меня целых три оправдания — я гормонально нестабильная женщина, меня отверг напарник и... кажется, у меня похмелье!

— Вениамин Георгиевич, а давайте, вы меня отругаете послезавтра с утра?

Куратор недовольно кривится, протягивает руку, чтобы забрать коробочку с данными, и молча указывает пальцем на дверь. Типа, давай, вали уже и на глаза не попадайся.

Ух ты! Никак новогоднее чудо!

Облегченно выдохнув, я быстро покидаю негостеприимный кабинет руководителя, спускаюсь вниз к раздевалкам, вытаскиваю телефон из кармана джинсов и набираю номер Димаса.

— Утро к нам приходит, утро к нам приходит! — радостно голосит брат в трубку. Хмурюсь, искренне не догоняя, как, поднявшись с постели второго января в семь часов утра, можно испытывать столько бодрости и оптимизма. Его же такими темпами до вечера не хватит.

— Вы скоро? — спрашиваю я у брата в надежде услышать про пробки, которые задержат ребят на полчаса, в течение которых я буду отсыпаться без задних ног и изредка бегать пить холодненькую водичку из кулера, стоящего в коридоре.

В динамике мобильного слышится приглушенный смех и музыка.

— Мы забираем Бандита, — кричит Димас и уточняет: — Ты на квартире?

И вот что странно, непонятно как, но брату удается заразить меня своим веселым настроением и оптимизмом. Накатившее было похмелье отступает на второй план, и я поспешно встаю со скамейки.

Придерживая телефон плечом, тяну из шкафчика объемную сумку со снарягой, которую выиграла на одном из конкурсов.

— Не-а, заberi меня по адресу... — называю ближайший выход метро и отключаюсь.

Моей семье не надо знать, где и кем я теперь работаю. Про мой срыв и первую неудачную попытку обернуться демоном, чтобы порвать Анастасию Александровну на мелкие кусочки, никто из близких не знал. Для всех, после выпуска моей блестящей статьи с эксклюзивным интервью с Мариусом Буркхардом, Стерва дала мне повышение, и теперь я пишу для иностранного журнала «People and Facts».

Врать любимым братьям и папуле, конечно, неприятно, но и сказать правду я тоже не могу. Нет, управление не запрещало мне распространяться о своих особенностях, но...

Просто, как они себе это представляют?

Собираю я семейный совет за столом на кухне и такая:

— Димас, Бандит, папуля, только не ржать, но я демон.

Да это же бред крупномасштабных размеров!

Стянув порванный на спине свитер с новогодними оленями и черные джинсы, в которых была на задании, быстро надеваю термобелье, основная функция которого не греть, а впитывать влагу и пот. Одним движением открываю пачку с носками.

Братья подарили мне на праздники новые ботинки, поэтому вероятность натереть ноги очень большая, а кровоточащие мозоли — это не то, что украшает девушку.

Поверх нательного белья натягиваю ярко-голубые штаны, черную толстовку с капюшоном, накидываю сверху черную куртку, но пока не спешу застегивать.

Переложив вещи из сумки в рюкзак, иду на выход.

Черные кроссы немного не вписываются в общую картинку райдера, готового к

покорению склонов. Но новые боты и борд — в машине у братьев, так что потерпим до склона.

Постояв у метро пару минут в ожидании Бандита и Димаса, я покупаю себе большой стакан латте и вдруг понимаю, что жизнь не такая уж и жестянка...

— Погнали! — весело кричит Бандит, пониже натягивая шапочку лимонного цвета.

Повинуясь электронной системе старта, специальные воротца синхронно открываются, и мы впятером одновременно стартуем.

По-настоящему счастливой меня делают три «С» — свобода, скорость, сноуборд. Когда я катаю, то в целом мире существуют только скольжение, доска и это невероятное чувство кайфа.

По ощущениям это можно сравнить разве что с полетом, возможно, поэтому здесь на склонах так много лаэрдов.

Поворот, касание рукой снега и опять стремительный спуск вниз. Первый же трамплин позволяет мне значительно увеличить скорость и вырваться вперед.

По пятам мчатся Димас и Бандит — мои любимые и самые лучшие братья на свете — ну да, я говорю предвзято. Немного отстают от нашей тройки Авиатор и Бутси, два друга детства, прошедшие вместе с нами огонь, воду и совместное проживание в трешке.

Катать мы начали впятером и, как ни странно, идея принадлежала не слишком любящему спорт Авиатору, который на тот момент был еще просто Женьком.

Немного инертный приятель впервые на нашей памяти загорелся хоть чем-то, и мы решили поддержать друга в его начинании. Взяв в прокате кривые убитые доски, выбрали небольшой склон, скатились один раз, затем другой, потом посмотрели, как это делают парни поопытнее, и начали пытаться копировать.

Отбив себе все, что возможно, по дороге домой мы пришли к коллективному выводу, что в сноубординге что-то такое есть.

Больше всего это «что-то такое» проняло сопливого шестнадцатилетнего Димаса, самого младшего из нашей компании. И если мы все были просто любителями продвинутого уровня, то Димка занимался всерьез и в свои девятнадцать претендовал на вход в основной состав молодежной сборной.

Вот только жаль, что его заветная мечта попасть в Сочи осталась мечтой...

Так получилось, что утром второго января склоны, на которых обычно тренируется сборная России, оказались свободны. Узнав об этом чуде-чудесном, Димка тут же переговорил кое с кем из своих ребят и уговорил их пустить нас покататься.

Надо отдать должное — такой трассы для бордеркросса я еще не видела — валики, повороты, уклоны, трамплины... М-м-м... Здесь все было тщательно продумано, чтобы райдер смог развить невероятную скорость.

Прыжок, приземление, пружинящее движение коленей, выравнивание веса, и я вновь набираю скорость. Прохожу поворот, но неудачно выбираю траекторию, и более опытный в этих делах Димас легко обходит меня, вырывая лидерство.

Черт!

Трамплин, вираж, Димас почему-то гасит скорость и... я снова первая!

В целом, я никогда не обогнала бы Димаса, если бы не проснувшаяся полгода назад сущность демона. Ну да неважно!

Я первая! Я еще никогда не побеждала парней! А сегодня я первая, и это чувство

собственного успеха невероятно кружит голову.

Спокойно лечу к финишу, уже заранее понимая, что никто из ребят меня не догонит, и тут неожиданно в мое триумфальное скольжение к финишной разметке на снегу вклинивается какой-то левый райдер.

Псих! Что он творит?

Выскочивший, словно черт из табакерки, парень в ярко-рыжем костюме скользит наперерез, намереваясь подрезать меня почти у самого финиша. Я, естественно, дергаюсь, стараясь избежать столкновения, и... теряю равновесие.

Падать всегда больно и неприятно, но еще большее, когда тебя в прямом смысле этого слова подставляют.

Повинуясь законам инерции, я шлепаюсь об укатанный снег, делаю зрелищный кульбит через голову, приземляюсь на попу и в таком положении скатываюсь по склону спиной вниз.

Не-е, с одной стороны, финишную черту я пересекла первой, но такая победа не делает чести.

— Придурок! — ору я пролетающему мимо райдеру.

Остановившись, рывком сажусь, отщелкиваю крепления борда и вскакиваю на ноги.

После безумной скорости скольжения обычный шаг кажется бесконечно медленным, поэтому, когда я все-таки дохожу до самоубийцы, что рискнул сунуться в наш заезд, настроение приближается к отметке «убивать и крошить зубы».

— Ты на фига полез! — еще издали начинаю орать я, когда между мной и райдером остается метра три.

К финишу подъезжают злые ребята, быстро подхватывают доски и спешат ко мне на подмогу.

— Последние мозги отморозил? — рычу я от негодования, подходя к незнакомому типу вплотную. — А если бы я себе шею свернула?

Парень снимает очки, оглядывает меня с ног до головы и снисходительно цедит:

— Мы взяли эту трассу в аренду, — расставляет приоритеты он и наклоняется чуть ближе к моему лицу. — А про шею... Давай не будем. Я же чувствую, что ты одна из нас.

Криво улыбнувшись, обнажаю маленькие клыки и враждебно рычу. Парень демонстративно скалится в ответ, но в зеленых глазах с ярко-синим ободком по краю скользит насмешка.

— Ева! — кричит запыхавшийся Димка, первым подбегая и разворачивая меня к себе лицом. — Сильно ударились?

— Нормуль, братиш, не паникуй! — отмахиваюсь я и кидаю злой взгляд на молодого наглого лаэрда. — Пошли, склон его...

И если бы рядом был только Димас, то я успела бы увести ребят, но к месту происшествия как раз подскочили Бандит и Бутси.

К слову, прозвище Бандит намертво приклеилось к Илюше еще в детском саду. Братишка оказался на редкость драчливым ребенком, баловником и непоседой. Почти всю юность его лицо украшали впечатляющих размеров синяки то под одним глазом, то под другим, про сломанные пальцы я вообще молчу.

Шло время, Илья повзрослел, обзавелся молодой женой, престижной работой и дрался теперь только в зале вместе с тренером по боксу, но, судя по покрасневшим щекам и горящему взгляду, — в этот раз спарринговать братец намерен с лицом лаэрда.

А-а-а, черт! По ходу, драки не миновать!

— Как это пошли? — откидывая доску в снег, рывкнул взбешенный братец. — Этот осел влез на трассу! А что, если бы Ева вылетела за ограждение? А если бы приземлилась не так удачно? А если бы не смогла уклониться и врезалась в тебя?

Справедливые, между прочим, упреки лаэрд воспринимает на редкость спокойно.

— И что?

Пофигистичное выражение лица парня стало для Бандита последней каплей. Он сжал кулаки и хмуро глянул в лицо незнакомого райдера.

— Урою! — беззлобно, но решительно пообещал братец и двинулся на наглеца.

Его перехватили Димас и Авиатор, пытаясь спасти ситуацию.

— Поехали! Он того не стоит! — увещевал брата Димас.

Я кинула на молодого лаэрда оценивающий взгляд. Симпатичное лицо с гладкими правильными чертами, чувственные губы. Хорош, демонюка, и прекрасно осведомлен об этом.

Парень дарит мне многообещающую улыбку и поворачивается к парням.

— Это все? — откровенно начал нарываться на драку лаэрд, зная, что физически сильнее и сможет уложить человека с одного удара. — Девушку вашу обидели? Кстати, а она у вас коллективная или ее кто-то один жарит?

Ребята дружно посмотрели на вконец обнаглевшего райдера, и в их глазах вспыхнула решимость зарыть уroda глубоко в снежок.

— А можно я ему первый врежу? — неожиданно попросил всегда спокойный и уравновешенный Авиатор.

Блин! Что же этот демон так отчаянно нарывается на драку? Неужели другого способа почесать кулаки не нашел?

— Мальчики, не надо! — молитвенно складываю руки, вставая между двух огней, но, судя по выражениям на лицах парней, слушать меня никто не собирается. Не в этот раз.

Ситуация ухудшается еще сильнее, когда к нашей воинственно настроенной компашке по склону вниз съезжают двое райдеров в черных костюмах и зеркальных масках на лицах. Подмога лаэрда выглядит внушительно — двое высоких крупных мужчин, и, судя по моим внутренним ощущениям, — тоже лаэрды...

Да что ж за день такой?

— Мика, все в порядке? — спрашивает один из них, поднимая маску.

На заросшем рыжей ухоженной бородкой лице немолодого мужчины беспокойство.

— Да, дядя, — немного раздраженно бросает ему в ответ молодой лаэрд. — Укатывайтесь отсюда, — а вот это уже нам.

А я вдруг вспоминаю неудачную кражу, похмелье, Кряка, по непонятной причине выбравшего Ньюшу, и наполняюсь решимости отомстить хотя бы одному зарвавшемуся представителю сильного пола.

— Слушай сюда, Мажор! — громко говорю я, заражаясь общей воинственностью. — Да будет тебе известно, что на склонах есть свои правила. Ты поставил мою жизнь под угрозу, хотя мог подождать, пока мы съедем...

Я ощущаю, как тело начинает знакомо потряхивать от накатывающейся ярости. Черт, кажется, моя демоническая половинка тоже отчаянно жаждет драки.

— Но суть моих претензий даже не в безопасности, — добавляю парочку рычащих ноток в голос и взрываюсь: — Ты не дал мне выиграть!

Парень закатывает глаза, и в этот момент я неожиданно понимаю своего куратора. Этот

жест действительно чертовски бесит!

— Давай так, Мажор, решим все наши претензии на трассе. Идет?

Райдер в рыжей куртке насмешливо фыркает, но смотрит уже с большим интересом.

— И что будет в случае моей победы?

— ЕСЛИ, — я особенно выразительно подчеркиваю это слово, — ты придешь первым — я извиняюсь за то, что мы заняли вашу трассу, за свое поведение, а дальше мы с ребятами свалим... Ну, так что скажешь, Мажор?

Он оглядывается на своих спутников, затем с улыбкой смотрит на меня.

— Один заезд, трое от каждой команды.

С сомнением кощусь на взрослых дяденек в черных костюмах.

— Не боишься брать на склон старперов? — тихо, чтобы не слышали его спутники, интересуюсь у лаэрда. — А вдруг сердечко прихватит или песок на трассу посыплется?

Мажор смеется, напрочь игнорируя мои сомнения.

— За них не волнуйся, — уверенно говорит он. — Если кто-то из твоих приходит первым — я признаю, что был не прав. Если кто-то из моих окажется у финиша первым — ты извиняешься за свой дерзкий тон и идешь со мной на свидание.

Нормально, да?! Это у меня-то дерзкий тон?

Но вместо этого я заглядываю парню через плечо и оценивающе смотрю на его спутников. Бородатого дядю можно смело сбросить со счетов — пусть он и лаэрд, но катает так себе. Второй мужчина, так и не снявший при общении зеркальной маски, съезжал куда более уверенно и ловко, но, чтобы соревноваться в бордеркроссе, надо быть первоклассным бойцом и быть очень сильным во фрирайде. И что-то я сильно сомневаюсь, что богатый лаэрд убил все свое свободное время на покорение склонов и оттачивание мастерства. Скорее всего это просто баловство. Хобби...

— Ну как, по рукам? — с нетерпением спрашивает Мажор, уже, по-видимому, зажегшийся идеей гонки.

— Хочу уравнивать условия. Если вы вдвуете, то отдаете нам трассу, — с милой улыбочкой заявляю я.

А что такого? Риск — дело благородное. И потом, у нас есть действительно неплохие шансы обскакать этого наглого засранца.

— Ну что, Мажор? Ты согласен? — протягиваю вперед руку в черной перчатке.

Заносчивый лаэрд дарит мне многообещающий взгляд и пожимает руку.

— Меня зовут Микаэль, — непонятно почему информирует парень.

— Да хоть Федя, — фыркаю я и поворачиваюсь к ребятам. — Кто поедет со мной?

Братья делают шаг вперед и молча подхватывают свои борды.

— Мы подождем внизу, — немного расстроено бубнит Бутси.

Авиатор кивает и протягивает мой борд.

— Укатай этого говнюка!

Я тепло улыбаюсь другу и бегу догонять братьев, торопливо идущих к подъемнику.

Мы поднимаемся первыми, и, пользуясь тем, что соперники немного отстают, Димас быстро дает нам с Бандитом пару советов по трассе. Я слушаю очень внимательно — ведь одно дело съезжать вниз, пользуясь инстинктами демона, и совсем другое — совет более опытного в этом деле райдера.

— Что-то вы не торопитесь, — с издевкой кричу соперникам, наконец-таки достигшим вершины.

— Ох, извини, — в тон отвечает Микаэль. — Решал, в какой клуб мы с тобой пойдем...

— Сначала выиграй! — зло обрывает его Бандит.

Натянув очки, я первой подкатываю и занимаю наиболее выигрышные, на мой взгляд, воротца. Димас устраивается рядом, Бандит немного тормозит, и Мажор успевает вклиниться в наши тесные ряды.

— Надеюсь, дама будет не против компании? — с ехидной улыбочкой спрашивает он.

Дама как раз таки была против. И еще как! Я — гуф, он — регуляр, наши стойки противоположны, и сейчас мы словно зеркальные отражения друг друга — два самоуверенных райдера, не привыкших уступать. Повторюсь, я — гуф, он — регуляр, а это значит — жди толчков корпусом и наездов на доску.

Я оглядываюсь на своих и невольно улыбаюсь от осознания, что мы одна команда. Даже одежда кричит об этом — у всех троих черные одинаковые куртки, разнится только цвет штанов. У меня синие, у Бандита — лимонные, а у Димаса — красные.

Шапки, доски и маски каждый старался подбирать в цвет штанам, и, на мой взгляд, получилось забавненько.

Двое лаэрдов в черном из команды соперников неторопливо подъезжают к своим воротцам, встают в стойку. Надо сказать, что нам крупно повезло — обычно на трассах устанавливают ворота для четверых, а здесь спуск рассчитан на шестерых, что делает эту гонку вообще возможной.

Молодой парнишка сбоку дает сигнал, воротца открываются, и мы стартуем.

Сильный толчок на старте позволяет Бандиту вырваться вперед, раскинуть руки и заорать во всю глотку что-то очень нецензурное.

Немного шокированные таким поведением райдеры из команды Мажора шарахаются в сторону, а мы с Димасом уверенно скользим вниз.

Это бордеркросс! Здесь побеждает техника. В данном конкретном случае — техника психологического воздействия.

Обычно на трассе каждый за себя, но мы не на соревнованиях и наша цель — не личная победа, а победа одного из команды.

Сделав свое немаленькое дело, Бандит пристраивается к самой гуще — его основная задача мешать остальным. Впереди серия широких трамплинов и перегибов, расположенных по прямой, которая и расставит всех по своим местам.

Мы вытягиваемся в линию и плотнячком входим в первый поворот. Немного подотставшие на старте Мажор и его спутник идут почти вровень с нами, дядюшка значительно отстает.

Всего на секунду меня пронзает острое чувство превосходства, но я тут же беру себя в руки — пока рано радоваться. На бешеной скорости мы приближаемся к настоящему полю битвы — трамплинам и брустверам виражей, и здесь я даю слабинку, проигрывая остальным в технике.

Пользуясь моментом, меня обходят Микаэль и райдер в черном костюме. Они пристраиваются за все еще удерживающим лидерские позиции Димасом.

Черт, Яблокова! Соберись!

В вираж я вхожу, стараясь по максимуму кантовать, как учил Димка, и использую низкую стойку. Скорость немного возрастает, но этого все равно мало, чтобы догнать тройку лидеров.

На одном из кикеров с небольшим вылетом Микаэль перелетает и, не очень хорошо

приземлившись, вынужденно гасит скорость. Пользуясь моментом, я вырываюсь вперед и равняюсь с райдером в черном.

Зря я, наверное, его старпером обозвала. На деле вон какой резвый оказался!

Все так же, в тесном соперничестве, мы пролетаем контрстенку, виражи, а вот на биг эйре «темная лошадка» — вернее, таинственный райдер в черном — каким-то непонятным образом вырывается вперед, обгоняя изумленного Димаса, и мчит к финишу первым.

Яблокова, ты попала. Причем крупно, аж на целое свидание с богатеньким мальчиком. Поправочка — с НЕВЫНОСИМЫМ богатеньким мальчиком.

Тихо ругнувшись сквозь зубы, я прихожу к финишу третьей и расстроено наклоняюсь, чтобы отстегнуть крепления.

Блин! Ну кто бы мог подумать!

Кхм... Я могла подумать.

Как-то чересчур легко согласился Мажор на соревнование. Да к тому же и своих родственничков подключил. Ведь знал, зараза, что этот в черном — сильный райдер.

Димка, отстегнувшийся первым, уже торопливо идет к победителю с одним единственным вопросом — «как ты это сделал?», а я поворачиваюсь, чтобы встретить на финише Мажора.

Он картинно тормозит прямо передо мной, с победной улыбкой стягивает маску с лица.

— Ну, и кто пришел первым? — смеется Микаэль.

Я с кислым видом смотрю на райдера в черном, что-то на пальцах разъясняющего Димасу, и фыркаю.

— Жду извинений, — вовсю лыбится Мажор.

К полоске финиша приходит Бандит, а следом за ним и дядя Мажора. Оба чем-то крайне недовольны, и я прекрасно их понимаю.

— Трасса твоя, — выдавливаю из себя с превеликим трудом. — И да, извини, я действительно очень дерзкая девчонка... — опускаю голову и тут же не без ехидства добавляю: — Девчонка, которая легко обошла тебя!

Мы с лаэрдом обмениваемся злыми взглядами, а после я иду к райдеру в черном, чтобы поздравить его с победой. Он действительно крут, а я умею признавать свое поражение.

Иногда...

— Ты хорошо катаешь, — говорю я убитым голосом.

Он оборачивается, как-то знакомо улыбается и снимает маску.

— Ты тоже хороша, — говорит лаэрд, в котором я с ужасом узнаю того самого демона, которому накануне вкатила нехилую порцию транквилизатора и бросила на крыше.

Ой-ёй! Вот теперь, Яблокова, ты действительно попала!

В панике оглядываюсь по сторонам. Что делать? Их трое, я одна. Можно попробовать рвануть вниз по склону, но пристегнуть борд я банально не успею. Да и бросать ребят наедине с тремя лаэрдами — тоже край.

Блин!

— Узнала меня, девочка? — с мягкой улыбкой спрашивает лаэрд, и мне почему-то становится безумно страшно даже стоять так близко к нему.

Облизнув пересохшие губы, осторожно спрашиваю:

— Курт?

Мужчина кивает.

— Так вы знакомы? — Вклинивается радостный Димас.

Я честно хочу что-то ответить брату, но встречаюсь глазами с лаэрдом, и на меня находит непонятная оторопь. Телу кажется, что оно все еще скользит вниз по склону, и с каждой секундой скорость становится все выше и выше.

Словно почувствовав этот невероятный спуск вместе со мной, лаэрд едва уловимо качнулся по направлению ко мне. Не знаю, что он хочет сделать — бросить в снег и, заломив мне руки, громко крикнуть, что поймал воришку, а может, просто схватить за шкирятник и сдать властям, но я на всякий случай отскакиваю назад, и внезапное наваждение проходит.

— Ну, не будем мешать вам кататься, — почуяв неладное, максимально дружелюбно говорит Димас, держа борд в одной руке, а другой хватая меня за рукав куртки и утаскивая в сторону.

Я позволяю себя увести, внутренне готовая к тому, что вот сейчас этот странный лаэрд окликнет нас, и тогда придется худо. Как ни странно, мужчины дают нам возможность беспрепятственно спуститься и уйти со склона.

Не к добру такая доброта... Ох, не к добру!

Настроение у нас пятерых сходит на нет, и ни о каком продолжении ни братья, ни приятели даже не заикаются.

День испорчен — это очевидно.

Пока парни грузят борды, я иду в туалет, чтобы побыть одной и подумать. Надо как можно скорее отзвониться куратору. Вениамин Георгиевич, конечно, будет орать — тут и к бабке не ходи. Зато есть маленькая вероятность того, что он подскажет какой-нибудь выход.

Но стоит мне, стянув перчатки, достать из кармана куртки телефон, как мобильник тут же оживает сам.

Подозрительно кошусь на незнакомый номер и почему-то жму зеленую трубку ответа.

— Да-а?

— Неужели никто не объяснил тебе, девочка, что красть у своих крайне неприлично?

Я замираю, моментально опознав по голосу своего собеседника, — это тот самый демон, которого я героически спасала этой ночью, тот самый райдер в темном, что с легкостью обошел даже Димаса.

Если ему известен мой номер, значит, я влипла. Потому что, если ему не составило труда разузнать мой телефон, то о сохранности оставшейся информации можно позабыть.

— Согласна, как-то неправильно вышло... — лепечу я в ответ, щелкая на экране значок диктофона — теперь наш разговор автоматически окажется на сервере управления.

Ну, а дальше...

Что бы ни случилось дальше, у куратора будет информация, где и у кого меня искать, а это уже немало.

— Эва, тебе очень повезло, что Кристоф так сильно занят ликвидацией произошедшей благодаря тебе утечки информации, что не поехал сегодня с нами, — «приободряет» меня Курт.

— Из всех склонов я выбрала тот, который был заказан вами... Разве можно в таком случае говорить о везении?

Мужчина молчит, и мне почему-то очень хочется верить, что он улыбается. Почему? Потому что разозленного демона мне за глаза и за уши хватило вчера.

— Я хочу предоставить тебе шанс все исправить. Так сказать, в счет твоего благородного спасения меня от падения этой ночью.

Подобравшись всем телом, я настороженно оглядываю помещение абсолютно пустого женского туалета и тихо спрашиваю:

— Что от меня требуется?

— В семь за тобой приедет машина. Ты — в платье, туфлях, с прической и обворожительной улыбкой на лице сядешь внутрь и приедешь к нам домой на ужин, где попытаешься объяснить Кристофу причину, подтолкнувшую тебя на воровство.

Ехать куда-то на ужин, тем более в платье и туфлях, да к тому же встречаться с Кристофом Дамиром и что-то ему объяснять, мягко говоря, не хотелось.

— А если нет? — осторожно уточняю я.

— В противном случае в семь ноль одну тебя, твоих братьев, твоих друзей и отца доставят в специальное место, — жестко предупреждает мужчина. — И сомневаюсь, что к ним будут относиться хорошо.

— Это угроза?

— Это реальность, девочка.

В совершенно пустом туалете мне неожиданно становится жутко. Неосознанно выпустив когти, поднимаю голову и смотрю на свое отражение в зеркале умывальника.

Как я могла так проколоться вчера? Почему так смело пошла одна без Кряка, без поддержки извне? Почему не свалила, едва заметив двух лаэрдоров на камерах видеонаблюдения? Одним словом — дура!

— В семь, — еще раз напоминает лаэрд немного устало, словно уже битый час доказывает ребенку, что земля круглая. — И, пожалуйста, не делай больше глупостей, — просит он перед тем, как отключиться.

Он встречается меня на ступеньках крыльца, ведущего в трехэтажный коттедж. Весь такой стильный, ухоженный и на редкость солидный даже в обычных черных брюках и тонком сером свитере.

Водитель торопливо открывает передо мной дверцу, я выхожу, делаю большой вдох холодного воздуха и ловлю его неодобрительный взгляд.

— Что? — передергиваю я плечами, ощущая себя на редкость неуютно в коттеджном поселке для олигархов.

— По-моему, ты не умеешь слушать, — рассерженно подмечает мужчина тоном готового к атаке тигра.

Я обижаюсь и деловито показываю большим пальцем себе за спину:

— Туфли в рюкзаке.

Видимо, поставив на мне жирнящий крест, Курт обреченно качает головой и, стремительно развернувшись, молча поднимается по ступенькам.

Что, и даже не попытается отослать меня обратно, чтобы я вернулась вся из себя такая расфуфыренная? Вот это да!

Переступив ногами, обутыми в черные высокие сапожки, неуверенно следую за мужчиной по ступенькам в дом.

Давай, Яблокова! Ты сможешь. Ты не ударишь лицом в грязь перед кучкой зажавшихся толстосумов. Ты с честью пройдешь это испытание и с чистой совестью доложишь Вениамину Георгиевичу об успехе возложенной на тебя операции.

Еще раз мысленно повторяю алгоритм действий, который куратор заставил меня повторить раз шесть, не меньше:

1. Вести себя прилично, как и положено воспитанной девушке моего возраста;

2. Попытаться уговорить Кристофа Дамира спустить мой взлом на тормозах — хотя меня и терзают смутные подозрения, что взбешенный мужчина придушит «крыску» раньше, чем я успею торопливо выговорить: «Простите меня, пожалуйста!»;

3. Отрицать свою причастность к УНЗД...

Ничего не забыла?

Курт оборачивается и с подозрением смотрит на меня.

Блин! Я что, только что шептала это вслух?

— Это же куртка от костюма, — на высокий лоб мужчины набегают задумчивые морщинки. — У тебя нет другой?

Я растерянно останавливаюсь в просторном холле, осматриваю свою черную широкую куртку, предназначенную для катания, и пожимаю плечами.

— Есть, — внутри поднимается обида. Он вообще за кого меня принимает? — Точнее, была, но кое-кто ее порвал.

Курт дарит мне взгляд из серии «девочка, вы несете чепуху» и помогает снять рюкзак.

— По-моему, я упомянул прическу, — как бы между прочим замечает мужчина, глядя на мои распущенные волосы.

— Вы просто не видели платья, — интригуяще улыбаюсь я и дергаю молнию вниз.

Лаэрд учтиво помогает снять куртку, окидывает меня с ног до головы оценивающим взглядом и на пару до-о-олгих секунд задерживается на самой декольтированной части

наряда.

Платье мне выдали в управлении, когда поминутно хватаящийся за сердце Вениамин Георгиевич велел сделать из меня конфетку.

На мой взгляд, просто вопиюще короткое платье «в облипочку» делало меня больше похожей на девицу легкого поведения, чем на конфетку, но мои аргументы никто принимать во внимание не стал.

Верх платья и рукава были выполнены из полупрозрачного белого кружева. Открытый лиф делал большую часть моей груди достоянием любопытной общественности. Лента красного цвета подчеркивала слишком узкую талию. Начиная от шелковой алой полосы, низ платья был сшит из черного стрейча, который сидел на моих нижних девяносто, как вторая кожа. Довершали образ красные лаковые туфли на шпильке, которые пока еще таились в рюкзаке.

Короче, в таком виде меня можно было смело выставлять в зале музея и водить толпы старшеклассников. Ручаюсь, выручка музея моментально скакнула бы вверх...

— Согласитесь, что при таком платье прическа уже не важна, — улыбаюсь я, невероятно гордая тем, что застала Курта врасплох и, кажется, произвела впечатление.

Мужчина поднимает глаза немного выше и смотрит мне в лицо. Долго и чересчур внимательно...

Я ниже всего на полголовы, но, из-за ширины плеч мужчины, кажусь самой себе маленькой москочкой, застывшей под взглядом титана древности. Как бы еще лужу от страха не надудонить...

А он все продолжает смотреть!

От неловкости я неуклюже переступаю с ноги на ногу и опускаю глаза.

— Что-то не так?

Лаэрд еще раз оглядывает меня с ног до головы и молча вытягивает руку с зажатым в ней рюкзаком.

— Туфли, — напоминает он.

Ощущая нервозность, вспотевшими руками дергаю молнию и достаю красные шпильки. Оглянувшись по сторонам, замечаю низкий пуфик, сажусь и быстро меняю зимние сапоги на туфли.

Курт все с тем же непроницаемым выражением лица наблюдает за моими неловкими действиями. Вот спрашивается — чего он на меня так глазищами зыркает?

Так, Яблокова, без паники! Проверяем по списку — платье, туфли, прическа... ну, голову же я помыла, значит, будем считать, что прическа тоже есть. Что там еще значилось в перечне? Обворожительная улыбка?

Полностью готовая к исполнению возложенной на меня управлением миссии, я встаю на ноги и растягиваю губы в улыбке, но вместо «обворожительной» выходит нечто растерянное и неловкое.

Облизнув разом пересохшие губы, напрямую спрашиваю у лаэрда:

— Я как-то не так выгляжу?

— С чего ты взяла? — тихо переспрашивает он и снова... смотрит!

Внезапно на меня накатывает острое желание поскорее свалить из этого чересчур богатого для меня дома и оказаться в своей маленькой однушке в тмутаракани, а еще лучше — у папы в Подмоскочье.

Так, Яблокова, держись! Еще слишком рано для побега.

Набрав в грудь побольше воздуха, пытаюсь вернуть себе былую уверенность.

— Ну, просто вы так странно смотрите...

И тут на лице мужчины появляется мягкая улыбка.

— Странно смотрю? — переспрашивает он и негромко смеется. — Наверное, ты права, — он замолкает и поднимает с пола мой рюкзак. — Я видел тебя дрожащей от страха на крыше, видел чертовски пьяной в офисе Криса, видел невероятно дерзкой сегодня на склоне... — Курт встречается со мной взглядом. — Просто не ожидал увидеть тебя такой красивой.

Я хмурюсь, пытаюсь переварить только что сказанное лаэрдом. Он сказал, что я красивая? Это не слуховые галлюцинации? Он правда так думает? Тра-ля-ля! Я красивая!

Так, стоп, Яблокова! Это банальная вежливость, мужик явно не имел в виду ничего такого!

Но удержать довольную улыбку слишком трудно. Эх, все-таки по женской генетической составляющей еще в пещерные времена потоптались мамонты. Сделай нам комплимент, и мы тут же развесим уши и млеем от счастья.

Но ты же не такая, Яблокова! Соберись!

— На какой крыше? — словно продираясь сквозь вату, потерянно переспрашиваю я.

Мужчина хмурится.

— Ты же сказала, что узнала меня, — в его голосе укор, и я почему-то ощущаю себя так, словно пришла на экзамен без единой шпоры.

— Ну да... — осторожно говорю я, ощущая себя словно сапер на заминированном участке. — Вы были вчера в офисе с Кристофом Дамиром. Но при чем тут крыша?

— Ни при чем, — холодно отзывается он и кивает головой в сторону дверей: — Проходи в гостиную, я сейчас.

Каким-то нервным движением головы откидываю волосы назад и в гордом одиночестве иду сквозь шикарный холл туда, куда меня в вежливой форме только что послали.

Крыша упорно не идет из головы.

Получается, мы виделись с Куртом где-то еще? Я мысленно начинаю перебирать в памяти все крыши, на которых была за последние полгода.

Будучи оперативником УНЗД, я часто присутствовала при задержании вышедших из-под контроля лаэрдов. Обычно получившие полную власть над телом сущности демонов стремились куда повыше, поэтому крыш в последнее время я посетила даже больше, чем в свое время лекций по философии в универе.

Вот только то были вышедшие из-под контроля человека демоны других семей. Дамиры были одними из немногих, кто воспитывал своих детей самостоятельно, не прибегая к помощи управления. И, судя по отчетам, имели большой успех в этом деле.

Все еще погруженная в свои размышления, я захожу в шикарную гостиную и восторженно оглядываюсь по сторонам.

Два дивана и два кресла образуют прямоугольник в центре просторной комнаты; на стенах несколько больших полотен каких-то дико дорогих картин. Слева от входа — массивная винтовая лестница, уходящая наверх, а чуть в стороне просматривается арка, ведущая, по всей видимости, в глубь коттеджа.

Роскошь всюду, куда ни падает мой мечущийся с предмета на предмет взгляд, возможно, поэтому я не сразу замечаю, что не одна.

— Какая приятная неожиданность, — в проеме арки возвышается подтянутая фигура

Микаэля.

Он одет в синие джинсы и темно-красную рубашку в крупную клетку. Закатанные до локтя рукава открывают сильные загорелые руки с тонкими витками кожаного браслета на правом запястье.

— А я считал, что это будет обычный скучный семейный ужин, — произносит парень, раздевая меня взглядом.

Я приветливо улыбаюсь, стараясь не расхохотаться в голос.

Дело в том, что пока я наводила марафет у себя в однушке, ко мне нагрянул Кряк, который, несмотря на хмурый вид, обиду в глазах и гипс, все еще числился моим напарником.

Стараясь не встречаться со мной взглядом и держать дистанцию не меньше нескольких метров, Лешка быстро пересказал всю известную информацию по семейству Дамиров.

Про Мика, например, я узнала, что он мой ровесник, выпускник финансового университета при правительстве России, заядлый райдер и тусовщик.

Короче, банальщина, свойственная любому представителю «золотой молодежи».

Зато его демон...

Демон у Микаэля Дамира был «страшненький», и это не мое компетентное решение, а задумчивый вывод Кряка. Заинтригованная столь лестной оценкой напарником Мажора, я сунула свой нос в папку с делом Мика и глянула на фотки его демона.

Со снимка смотрел красноглазый демон-альбинос. В отличие от всех других, у него была абсолютно белая, какая-то прозрачная шерсть, которая не везде скрывала нежно-розовую кожу демона. Про крылья я вообще молчу и тихонько угораю!

Страшненький? Да это же «белый ужас», летящий на крыльях ночи!

Мысленно переименовав Мажора в Снежка, я дарю парню еще одну улыбку, повторяя про себя, словно мантру: «Не ржать, Яблокова. Только не ржать».

Записав улыбку на свой «обворожительный» счет, Микаэль с деловым видом идет в мою сторону.

— Кто бы мог подумать, что под костюмом будет прятаться такая красота, — парень останавливается всего в шаге от меня.

«Кто бы мог подумать, что в теле такого красавчика будет прятаться Белоснежка! — думаю я про себя и вновь: — Не ржать, Яблокова. Только не ржать».

Кряк посоветовал рассеянно улыбаться в те моменты, когда я не знаю, что сказать, или собираюсь произнести какую-нибудь гадость, поэтому молчу и дарю Мажору третью улыбку за вечер.

Как бы у него передозировка от моих обворожительных оскалов не приключилась!

Мика хмыкает и делает приглашающий жест в сторону диванов.

— Если не секрет, где ты умудрилась познакомиться с Куртом? — заводит он светскую беседу.

— Да так... — отвечаю максимально уклончиво. — Пересеклись накануне.

Я усаживаюсь на мягкий диван рядом с Мажором и разворачиваюсь к нему лицом. Предпочитаю видеть лицо своего собеседника, да и входы-выходы лучше держать под наблюдением. Я все-таки сюда не на приятный ужин в обществе друзей-товарищей приглашена, а для выяснения отношений с Кристофом Дамиром.

— Да ладно, — говорит Мика чуть тише и пододвигается. — Думаешь, я не понимаю, что происходит?

Уже с большим вниманием смотрю на парня.

— И что же? — спрашиваю я совершенно искренне.

Словно кот, увидевший банку со сметаной в свободном доступе, молодой лаэрд двигается еще ближе и закидывает руку на спинку дивана.

— Не притворяйся, Ева, — улыбается он с полным осознанием своего превосходства. — У Курта особый пунтик по поводу семьи. Брат никогда не пригласил бы на ужин постороннюю, но ты почему-то здесь.

Делаю невинное лицо и изо всех сил изображаю из себя святую простоту.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

Мажор нахально улыбается, демонстрируя белый ровный ряд зубов.

— Я же сказал — можешь не притворяться, — говорит он. — Семья давно пытается найти мне кого-то в пару. Обычно это милые лаэры — невыносимо скучные и воспитанные. А вот твой бунтарский дух меня, откровенно говоря, цепляет.

Это что же получается, Курт — сводница?

Мне становится смешно, и я опять улыбаюсь.

— Интересно, но я все еще не понимаю, куда ты клонишь.

Лаэрд пристально смотрит мне в глаза и неожиданно подается вперед. Всего миг, и я в его крепких объятьях.

— Давай забудем на скучный ужин и сразу пойдем наверх, — предлагает он с победной улыбкой.

Я ошарашенно хлопаю ресницами, упираюсь руками в грудь парня в попытке вырваться.

— Ты спятил? — угрожающе рычу, позабыв про манеры, и выпускаю клыки. — Отвали от меня, придурок!

Слово «отвали» парень явно не понял, иначе зачем бы еще его рука скользнула под край платья, неприятно обожгла своим прикосновением бедро и поползла наверх.

— Изображаем недотрогу? — он прижимает меня к спинке дивана своей накачанной грудью, лишая возможности отбиваться. — Мне это даже нравится...

Его рука скользит по нейлону чулок, уверенно минует верхнюю полоску кружев и останавливается на небольшом участке голой кожи. Я рычу еще более громко и угрожающе, давая понять, что его поглаживания под платьем не приносят мне ровным счетом никакого удовольствия.

— Я сказала — отвали! — Дергаюсь в очередной раз, умудряюсь вырваться из захвата и быстро вскакиваю на ноги. — Ты точно мозг на склоне отморозил!

Он рывком поднимается с дивана, грубо перехватывает мои запястья и дергает к себе.

— Мне надоело играть! — рычит он, трансформирует челюсть и неожиданно кусает меня в основание шеи.

Клыки легко прокусывают кожу и погружаются вглубь на всю длину. Резкая боль заполняет сознание, по плечу вниз к лопатке струится теплая капля хлынувшей крови. Я рычу от бессилия и боли, коленом пытаюсь ударить лаэрда между ног, но, видимо, количество прицельных попаданий было израсходовано накануне в офисе Кристофа Дамира.

Мажор, получивший в мышцу бедра неслабый удар коленом, шипит от ярости, разжимает челюсти и кусает снова.

Я охаю от непонятной смеси страха, боли и удивления. Лаэрд толкает меня назад на диван, наваливается сверху и снова кусает.

Неужели Мажор собрался меня загрызть? Паника накатывает с новой силой и, не бросая

попыток выбраться из-под тяжелого тела парня, я начинаю высоко и очень громко верещать как резаная. Точнее, как покусан-ная!

Сквозь свой истошный крик отчетливо слышу, как в гостиную кто-то вбегает.

— Что здесь... Черт, Мика!

Всего секунда требуется Курту, чтобы схватить и стащить с меня своего неадекватного брата. Ведомая инстинктами демона, я одним движением скидываю красные туфли и невероятно ловко перепрыгиваю через диван, чтобы отгородиться от невменяемого лаэрда хотя бы мебелью.

— Мажор, ты debil! — задыхаясь от боли и возмущения, кричу я на всю гостиную. — Псих конченный! Богатенький придурок!

В ответ Микаэль зло рычит окровавленными губами и дергается в мою сторону, но Курт намного больше и сильнее брата.

— Что здесь происходит?!

Женский требовательный голос доносится откуда-то сверху. Я оборачиваюсь на звук и вижу стоящую на ступеньках лестницы лаэру. В свои пятьдесят она выглядит невероятно хорошо. Спортивная фигурка, невысокий рост и потрясающие по своей красоте глаза насыщенно-синего цвета с черным ободком по краю.

— Что здесь происходит?! — требовательно спрашивает она на правах хозяйки дома, оглядывает своих сыновей сердитым взглядом и неожиданным образом находит источник проблем, то бишь меня. — Кто вы?

Под пристальным взглядом суровых синих глаз я немного остываю и резко дергаю вниз подол задравшегося в процессе отбиваний от Мажора платья.

— Этот недоделанный сводник, — непочтительно тыкаю пальцем в сторону Курта, уже выпустившего брата из захвата, — пригласил меня на ужин. А этот недоделанный соблазнитель, — мой палец перемещается на взбешенного, тяжело дышащего Микаэля, — укусил меня!

Женщина недовольно хмурится.

— Мика, — в голосе женщины слышится возмущение. — Кусать девушку в гостиной — верх неприличия! А что, если бы няня не уследила и сюда забежал Максимка?

Микаэль недовольно дергает правым плечом, высвобождаясь из ослабевшего захвата, и отворачивается в сторону, а вот Курт скрещивает руки и зло смотрит на брата.

— Правда, Мика, — рассерженно говорит он. — Поднялись бы в комнату и развлекались там в свое удовольствие. Зачем рисковать?

Я ошарашенно открываю рот и перевожу взгляд с Курта на спускающуюся вниз по ступенькам женщину.

— Что?! — возмущенно рычу я, все еще трансформированной челюстью. — Он меня чуть не загрыз, а вы ругаете его за то, что он попытался сделать это у всех на виду?

— Не придумывай, — отмахивается женщина от моих слов, как от назойливого комара в жаркий полдень. — Всего-то пара укусов.

— Всего-то?! — возмущенно рычу и убираю руку, которой все это время зажимала раны на шее. — Это, по-вашему, «всего-то»?

Женщина с удивлением смотрит на мое плечо, на кружево платья, сменившее цвет с белого на ярко-алый, и ее глаза округляются.

— Курт, у нее кровь! — потрясенно шепчет она.

Блин! В этом доме умеют слушать? Я же ей только что сказала, что меня покусали!

Ясный пень, что у меня идет кровь!

Но почему-то все в гостиной ведут себя так, будто случилось нечто аномальное. Курт обходит диван, каким-то неуловимо быстрым движением убирает мои волосы со спины и тупо смотрит на ранки от укусов. Спустившаяся лаэра тоже присоединяется к процессу разглядывания.

Хорошо хоть Мажор остался стоять на месте. Видок, правда, у парня настолько опарашенный и потерянный, что мне на долю секунды становится даже жалко беднягу.

— Не останавливается, — слышу я за спиной хриловатый голос Курта.

Прижав руку к ранкам, делаю поспешный шаг в сторону и встаю к двум демонам впол-оборота.

— Слушайте, а может, я лучше пойду? — с мольбой смотрю в глаза Курта. — Сегодня явно не мой день...

И словно в подтверждение только что сказанного, в гостиную входит Кристоф Дамир. Мы встречаемся с ним взглядами и...

— Какого черта она тут делает! — рычит взбешенный лаэрд, скалясь.

Ну вот, как будто мне было мало быть покусанной, вдобавок ко всему, я буду еще и побитой.

Испуганно вздрогнув, я как-то неосознанно перемещаюсь ближе к Курту. Это ведь была его идея пригласить меня на ужин. Наверное, в голове у мужчины имелся хоть какой-то план, как это будет происходить.

— Всем привет! — звучит бодрый голосок из-за спины Кристофа Дамира, и в комнату входит высокая блондинка.

Мы тупо смотрим друг на друга, моргаем и совершенно синхронно выдаем:

— Горгона?

— Аврора?

— А помнишь, как мы пропустили последний автобус и пришлось пилить пешком через полгорода, чтобы попасть домой?

— Конечно, помню! — мелодично смеется Аврора. — Как и того армянина, что ехал на синей «пятерке» и пытался нас закадрить!

Я прыскаю и подпрыгиваю от возмущения.

— Аврорка, давай смотреть правде в глаза — армянин кадрил только тебя, — насмешливо щурюсь я. — А на меня запал подвыпивший десантник, что шел за нами по пятам.

Мы снова смеемся, вспоминая прошлые деньки.

— А помнишь, как я писала любовные записочки твоему брату, а ты их ему передавала?

— Обижаешь! Это был самый паршивый день святого Валентина в моей жизни! — искренне восклицаю я. — Бандит с Димкой до сих пор шантажируют меня фоткой, где я в костюме купидона!

— Согласна, — смеется подруга, — нимб тебе не идет!

Я обиженно надуваю губы и неожиданно вздрагиваю от прикосновения сидящего позади Курта.

Мы все в той же гостиной.

Невысокая женщина, что ругала Мика, оказалась действительно хозяйкой этого дома. Тепло поприветствовав новых гостей в лице Кристофа и Авроры, женщина бросила на меня недовольный взгляд и удалилась контролировать работу слуг.

Мажора сослали в его комнату, велев немного сбросить напряжение. Мы же с Авророй устроились на диване, чтобы повспоминать прошлое. Кристоф, немного сбавивший градус неприязни, уже чуть мягче поглядывает на меня. Он сидит рядом с Авророй и каким-то собственническим жестом удерживает ее за талию, так, словно переживает, что девушка вот-вот куда-то сбежит.

Под предлогом обработки раны рядом со мной на диван уселся Курт. И, надо сказать, врач из него так себе!

Вместо того чтобы достать аптечку, обработать раны и наложить марлевую повязку, мужчина принес откуда-то белое мягкое полотенце и просто приложил к пострадавшему плечу.

Иногда он убирал полотенце и наклонялся, чтобы посмотреть на ранки, оставленные клыками собственного брата. И вот в такие моменты, когда его дыхание касалось моей кожи, я почему-то вздрагивала.

— А помнишь Новый год? — возбужденно заговорила Аврора. — Ты взобралась на стремянку и держала веточку омелы...

— ...а ты стояла внизу и ждала Бандита...

— ...но вместо него в комнату вошел твой папа!

Мы громко хохочем, вспоминая, как вытянулось лицо папулика, когда Аврора, смущаясь и заикаясь, попросила его свалить куда подальше и не мешать охотиться на Илюшу.

— Кстати, ты так и не рассказала — понравилось тебе целоваться с Бандитом или нет, — припоминаю я.

Аврора краснеет и смущенно опускает глаза, лаэрд за ее спиной недовольно рычит, а я

откровенно потешаюсь над беспричин-ной ревностью мужчины. Ревновать к прошлому... Пф!

— Да не рычите вы, Кристоф! — машу я рукой. — Брательник — это еще цветочки. Аврору всегда тянуло к плохим парням. В этом списке жутких типов Бандит еще самый приличный.

— Не надо, — одними губами шепчет Аврора, испуганно округляя глаза.

А вот у лаэрда за ее спиной мои слова вызывают явный интерес. Он как-то весь приободряется и с еще большим интересом смотрит в мою сторону.

Ба-а-а! Да меня хотят использовать в качестве информатора.

Заговорщически подмигнув Кристофу, так, чтобы не заметила подруга, торопливо меняю тему, все так же продолжая предаваться воспоминаниям.

Сколько мы не виделись с Авроркой? Четыре года или уже больше? А ощущение такое, что не прошло и четырех недель.

С Авророй мы сдружились на почве соседства — она снимала однокомнатную квартиру недалеко от универа, в то время как я обитала в студенческой общаге в маленькой комнатке на четверых.

Моя мама умерла, когда самому младшему из нас, Димке, исполнилось пять лет, поэтому большую часть жизни я росла в семье из трех мужчин. Чтобы было понятно, в какой суровой обстановке проходил мой процесс взросления, скажу, что в нашей семье мне приходилось поднимать после себя сиденье унитаза.

Собственно, чисто мужская компания и наложила свой неизгладимый отпечаток и на мое видение мира, и на характер.

О, да! Характер у меня жуткий, а еще я на редкость прямолинейна. Именно поэтому соседки невзлюбили меня с первой же секунды.

Положение ухудшалось еще и тем, что, помимо общей площади в общаге, мы все четверо были одnogруппницами, а на журфаке царила дикая конкуренция — пробивались единицы, еще меньше получали престижную работу, а мне дико хотелось быть внештатным корреспондентом, летать по миру, вести репортажи из горячих точек.

Собственно, уже тогда мечта частично сбылась — соседки организовали горячую точку без всяких перелетов. Девчонки устроили самую настоящую травлю, подключив к военным действиям против меня почти весь поток.

Меня называли Горгоной и всячески пытались задеть поглубже да побольнее.

О наших баталиях знали и младшие, и старшие курсы, поэтому, когда ко мне подошла невероятно красивая и столь же скромная девушка и предложила снимать квартиру, я согласилась, не раздумывая.

Все-таки одна соседка значительно лучше трех.

— Всем доброго вечера!

В гостиную входит супружеская пара, и Кристоф с Авророй поднимаются, чтобы поприветствовать их.

Бородатого лаэрда я узнаю сразу — это тот самый «дядя», что катался сегодня вместе с нами. Мужчина одет в черные штаны и бордовый пуловер, весь из себя такой сосредоточенный и спокойный. Зато стоящая рядом женщина на его фоне выглядит чересчур легкомысленно и бодро.

— Это родители Кристофа, — наклоняясь к моему уху, поясняет Курт. — Радор и Шарлиз Дамиры.

От теплого шепота мужчины по телу бегут мурашки. Я инстинктивно передергиваю плечами и, вероятно, подаюсь назад, потому что в следующую секунду чувствую призрачно-легкое касание чужих губ к собственной коже около уха.

Я вздрагиваю и решительно отодвигаюсь от губ, рук и всего лаэрда целиком, благо, теперь на диване полно свободного места.

— Ева, иди сюда! — зовет меня подруга, и я с готовностью встаю.

Аврора знакомит меня с искрящейся позитивом мамой Кристофа, мы перекидываемся парой приятных фраз, она с какой-то странной улыбкой смотрит на укусы, оставленные Миком, потом оборачивается к Курту и...

— Шалунишка!

Я оборачиваюсь, чтобы увидеть лицо «шалунишки», застаю Курта в состоянии ступора и опять, словно мантру, мысленно твержу: «Только не смейся, Яблокова! Да, рожа у лаэрда действительно забавная, но свою постарайся удержать от смеха».

Поспешно отведя взгляд от Курта, встречаюсь взглядом с Радором и вежливо улыбаюсь. Он поступает так же.

В гостиную входит хозяйка дома и официальным тоном приглашает всех за стол.

— Конрад, — придерживает она сына в дверях, — я подобрала несколько платьев в размер. Твоя гостья, — женщина дарит мне недружелюбный взгляд, — может переодеться в гостевой комнате. Проводи ее, пожалуйста.

Курт немного рассеянно благодарит маму и поворачивается ко мне.

— Идем, — кивает он в сторону незамеченной мной ранее двери, и я послушно следую за ним.

Дом Дамиров — все равно что музей. Всюду непонятные вазы, картины, скульптуры. У одной из таких я ненадолго торможу, пытаясь разглядеть силуэт какой-то гречанки с кувшином в руках.

В результате теряю лаэрда из виду, и приходится догонять его торопливым шагом.

— Я думала, вас зовут Курт, — говорю я, стараясь не отставать от уверенно шагающего лаэрда.

— Курт — это сокращение от Конрада, — поясняет он. — А как зовут тебя?

С удивлением смотрю в спину шагающего впереди мужчины.

— Ева, — с некоторой неуверенностью произношу я. — Ева Железнова.

— Хорошо, — кивает мужчина, останавливается и встает ко мне полубоком. — А кто такие Эвелина Яблокова и Эва Райт?

Челюсть отпадает сама собой, да так качественно, что любой желающий при должном рвении сумеет осмотреть мои гланды.

— Откуда? — хлопаю ресницами и тут же одергиваю саму себя.

Он же как-то узнал мой номер телефона, адрес, имена родственников и друзей. Следовательно, привлек специалистов для сбора информации. Почему-то столь глубокое чужое вмешательство в мою жизнь раздражает.

— Эвелина Яблокова — это мой творческий псевдоним в редакции. Эва Райт — это имя, указанное в свидетельстве о моем рождении, — недовольно отвечаю я. — Меня удочерили.

Мне почему-то всегда неприятно говорить об этом. Наверное, потому, что мама и папа были для меня самыми лучшими родителями. Мои братья любили меня, как родную, и я ни для кого в семье не была приемной, чужой. Я была любимой сестренкой и доченькой, и не

хотела думать о том, что где-то есть мои биологические родители. Лаэрд, которые бросили свою дочь.

— Узнали все, что хотели? — обиженно бурчу себе под нос так, словно Курт Дамир имеет прямое отношение к моей семейной истории.

— Не совсем, — качает головой мужчина и толкает одну из дверей. — Проходи...

Я захожу в комнату, бегло осматриваюсь и сразу иду к кровати, на которой разложено три платья. Надо сказать, что мама Мики предоставила мне выбор — черная классика, стильное бежевое платье-футляр и что-то очень длинное темно-красного цвета.

Все платья разные и в то же время имеют общие черты — скромность и максимальную закрытость. Не задумываясь, выбираю черную классику, показавшуюся мне более удобной, и оборачиваюсь.

За то время, пока я выбирала, Курт успел занять небольшое кресло в углу и теперь сосредоточенно что-то набирал в телефоне.

Выходить он не собирается?

Совершенно не готовая продемонстрировать стриптиз перед малознакомым мужчиной, я оглядываюсь по сторонам. Присмотрев дверку, ведущую в ванную, торопливо иду туда и закрываю за собой дверь.

Поскорее скинув испорченное зубами и кровью платье, с горечью представляю, как на меня наорут в управлении за порчу государственного имущества.

Намочив одно из полотенец для рук, смываю с себя засохшие следы крови, растерянным взглядом оглядываю по-прежнему немного кровоточащие ранки и торопливо влезая в предоставленное мне платье.

М-да... А вот под этот наряд прическа действительно необходима.

С большого зеркала умывальника на меня неодобрительно смотрит растрепанная темноволосая девушка в черном приталенном платье чуть выше колена. Длинные рукава и закрытый верх идеально скрывают укусы, но не мое замешательство.

Может, померить то бежевое?

— Ева, — вежливый стук в дверь. — Ты скоро?

Вот деловой! И десяти минут не прошло, а он уже дергает прихорашивающуюся девушку. Сразу понятно — жены или постоянной подружки у лаэрда нет.

— Ева? — еще одно деликатное постукивание.

— Секунду! — рычу я в ответ, влезая в красные туфельки, которые в сочетании с этим платьем смотрятся совершенно неуместно, я бы даже сказала, вульгарно.

Бросив на себя еще один взгляд, негромко чертыхаясь и решительно толкаю дверь. Красивой я уже была, и ни к чему хорошему это не привело. Посмотрим, что будет теперь, когда я вся такая скромная и деловая.

В дверях я, естественно, сталкиваюсь с Куртом, который оглядывает меня с ног до головы и морщит породистое лицо.

— Не твое, — честно говорит лаэрд, скрещивая руки на груди. — Переодеваться будешь?

— Думаю, положения это не исправит, — с сомнением кошусь в сторону кровати и двух оставшихся платьев. — Да и какая, собственно, разница, как я одета? — пытаюсь поддержать саму себя.

Курт смотрит на меня так, будто я неправильно сложила в столбик два трехзначных числа, и неожиданно спрашивает:

— Голодная?

Киваю.

— Тогда пошли.

Мы выходим из комнаты и идем по коридору обратно в сторону гостиной.

— Думаю, проблем с Крисом не возникнет, но все равно будь повежливее за ужином, — советует Курт и поясняет: — Моя мама почему-то к тебе недружелюбно настроена...

Пользуясь тем, что мужчина, как всегда, идет немного впереди и не видит моего лица, красноречиво закатываю глаза. Ну, это вполне себе нормально! Все мамы недовольны, когда их сыновья кидаются кусать посторонних девушек.

— Курт, а как ее зовут?

— Франциска, — отзывается мужчина. — Кстати, позже приедут мой отец и кузина. И они тоже будут относиться к тебе... настороженно.

Задумчиво осматриваю широкую спину мужчины в сером свитере и тихонько вздыхаю. М-да, семья в сборе... Вот только я на этом празднике жизни явно лишняя.

— Курт! — равняюсь с ним. — А Кристоф сказал Авроре, что он лаэрд?

Мужчина, не останавливаясь, кивает головой, отчего прядь волос падает на его высокий лоб. Он механическим движением поправляет ее и смотрит туда, где сквозь неплотно закрытые двери слышатся голоса.

— Аврора знала об этом, еще когда устраивалась к Крису на работу, — говорит он и останавливается. — А почему ты спрашиваешь?

Не ответив, я стремительно кидаюсь вперед по коридору, дергаю дверь в столовую и влетаю в просторную комнату. Веселый разговор тут же смолкает, все поворачивают головы в мою сторону.

М-да... И впрямь, вся семья в сборе.

Во главах длинного обеденного стола уселись двое мужчин — Радор и отец Курта. Мажор с недовольным видом человека, которого оторвали от PS4, нервно стучит пальцами по белоснежной скатерти стола. Рядом с ним, по правую руку от мужа замерла Франциска.

Наконец, я нахожу глазами подругу — она сидит за дальним концом стола в компании Кристофа и Шарлиз.

— Аврорка, а ты знала, кто я?

Девушка поднимает на меня испуганные голубые глаза, краснеет и резко отводит их в сторону.

А это еще что такое?

Внезапно я припоминаю, как встретила в одном из коридоров управления ее сестру-близняшку Азалию и с удивлением узнала, что та уже много лет служит в УНЗД.

— Ты знала, — потерянно шепчу я, стыкуя факты.

В столовую входит Курт, обменивается взглядами с Кристофом и кладет мне руку на здоровое плечо.

— Эва...

— Ты знала! — обвинительно кричу я, глядя исключительно в глаза подруги. — Знала, что лаэра, и не говорила мне!

Аврора как-то неловко поднимается со своего места и тут же вздрагивает от громкого удара ненароком опрокинутого ею стула.

Кристоф поднимается следом, обнимает одной рукой за талию, стараясь приободрить. Курт остается за моей спиной, чтобы перехватить в случае трансформации. Остальные изображают деликатное молчание, и только Мажор довольно улыбается, с жадностью следя

за развитием ситуации.

Аврора виновато смотрит мне в глаза.

— Ева, все не так...

Но я не хочу слушать оправдания. Если она знала о существовании в нашем мире демонов, то узнать могла об этом только из одного источника. Аврора, как и ее сестра, работала в управлении. И если это так, то ни о какой дружбе между нами не могло быть и речи... Просто у сотрудников УНЗД нет и не может быть друзей среди лаэрдов. Они их презирают, страшатся, ненавидят. Я там работаю, мне ли не знать.

— Это был приказ? — мой голос звенит от обиды.

Аврора отшатывается назад, по ее щекам катятся крупные слезы. О, да! В этом она мастак — чуть что, сразу в слезы.

— Это был приказ? — кричу я, отшвыривая руку Курта, попытавшегося придержать меня за талию.

Та, кого я считала своей подругой, закусывает подрагивающую нижнюю губу и молча кивает.

— Да как же так! — возмущенно рычу я, непроизвольно выпуская когти. — Как же так, Аврора? Я хочу сказать, что это ведь я всегда была Горгоной... Это от меня можно ожидать чего угодно! — бесхитростно смотрю в сине-зеленые глаза Кристофа Дамира. — И да, я крысятничаю против лаэрдов, но, блин! — мой голос срывается. — Аврора, ты же всегда была такой человечной, доброй, честной! Ты была для меня примером, а теперь...

Я задыхаюсь от клокочущей внутри меня смеси из возмущения и обиды. Мне хочется крушить все вокруг себя, ломать мебель, с оглушительным звоном бить посуду. Жаль, что Микаэль сидит слишком далеко — сейчас я бы с таким удовольствием почесала об него коготки.

Рыкнув, вырываюсь и бегу к выходу. Хочу уйти! Хочу домой! Хочу не видеть всех этих... Короче, этих!

— Эва!

Черт! Ну что ему еще от меня надо? Показалось мало шантажа, мало сводничества, мало предательства подруги, которая была лучшей и единственной в моей жизни?

На ходу сбросив туфли, я пробегаю гостиную, затем холл, благо, без каблуков это значительно проще и безопаснее. Оглядываюсь в надежде найти свой рюкзак, сапоги и куртку, но поблизости ничего, кроме омерзительно претенциозной роскоши и богатства.

Торопливые шаги сзади придают мне решимости, поэтому я, не раздумывая больше ни секунды, толкаю входную дверь и выбегаю на крыльцо. Босые ноги, защищенные только тонким нейлоном чулок, обжигает морозом, в лицо бьет порыв ледяного воздуха, но гнев притупляет чувство холода.

Сбежав по ступенькам вниз, делаю шаг по расчищенной белой дорожке и неожиданно взлетаю. Вот только в этот раз крылья ни при чем.

— Пусти меня! — верещу я как ненормальная, пытаюсь вырваться на свободу, но Курт легко удерживает меня в поднятом положении, крепко прижимая к своей широкой груди и не давая ни малейшего шанса на побег. — Пусти! Я хочу домой!

— Хорошо, — его голос неожиданно мягок и спокоен, поэтому я слегка теряюсь.

В такой ситуации я бы поняла, если бы лаэрд наорал на меня, ударил, попытался вернуть в дом, но он просто держит меня так, чтобы я не касалась босыми ногами земли и в то же время не могла ударить его когтями.

— Машина в гараже, — очень тихо, так, что мне приходится поднапрячь слух, произносит лаэрд и в том же тоне спрашивает: — Хочешь подождать в доме или пойдешь со мной?

Я машу головой. Нет, в этот дом я теперь точно не вернусь!

— Хочу с тобой, — тоном обиженного ребенка говорю я.

Мужчина перехватывает меня и сходит с дорожки, двигаясь к боковым дверям. Чисто машинально обхватываю его шею руками и шмыгаю носом. Курт опускает голову вниз и кидает на меня неодобрительный взгляд.

Он прав, Яблокова! Ведешь себя на редкость тупо. Вылетела зимой на мороз без куртки, без рюкзака с деньгами и телефоном. Да что там — босая! И куда бы ты в таком виде добежала? До воспаления легких?

Становится стыдно, а еще холодно и как-то грустно...

Курт быстро вносит меня в гараж на четыре машины, подходит к небольшому ящику. Набрав код замка, открывает металлическую дверцу и берет один из брелоков.

— Ты же любишь скорость... — с загадочной улыбкой заявляет мужчина.

В принципе, ничего против того, чтобы оказаться дома побыстрее, я не имела. К тому же если время, проведенное в компании с Куртом, сократится до минимума, я не расстроюсь.

— А-ха, — тихо отзываюсь, почему-то чувствуя постепенно накатывающую слабость. Словно недавняя вспышка отняла все мои силы.

Все с той же улыбкой Курт зачем-то сажает меня на капот одной из машин и быстро срысывает чехол с машинки по соседству. Это темно-красная спортивная модель двухдверной «Мазды».

Я, конечно, не слишком разбираюсь, но авто почему-то оставляет меня совершенно равнодушной. Ну, не понимаю я эти низенькие машинки для двоих.

Распахнув пассажирскую дверь, Курт возвращается за мной.

И все это молча, уверенно, четко. Надо сунуть нос в личное дело Дамиров, может, у них в роду немцы?

— Я могу сама, — пытаюсь соскользнуть с капота на землю и тут же попадаю в капкан из чужих рук.

— Можешь, — согласно кивает лаэрд, относя меня к машине. — Вопрос только, нужно ли проявлять самостоятельность, если взрослый мужчина может позаботиться о тебе?

Пока я обдумываю сказанное, меня быстро устраивают на сиденье и помогают пристегнуться. Быстро обойдя машину, Курт прыгает на место водителя, ревет мотор.

В ожидании, пока откроются ворота гаража, лаэрд поворачивает ко мне голову.

— Хочешь рассказать, что случилось? — в темноте салона, освещаемого только тусклым красноватым светом подсветки, его лицо кажется загадочным.

Молчу и громко соплю заложенным носом.

— Эва, — опять эти интонации, полушепот, который непонятным образом успокаивает меня и делает более мягкой. — Аврора все расскажет Крису, тот мне... Я в любом случае узнаю, что там между вами произошло и чем спровоцирована твоя вспышка. Ты же понимаешь это?

Понимаю, но тем не менее решаю не поддаваться на провокацию и молчу, хотя, надо признаться, выплеснуть обиду в слова хочется со страшной силой.

Он вздыхает и отворачивается, делая вид, что сконцентрирован на дороге.

Все в том же молчании мы медленно выезжаем из гаража и останавливаемся у входа. Какой-то незнакомый мужчина выносит и отдает мои вещи, после чего мы с Куртом покидаем коттеджный поселок, проезжаем шоссе и сворачиваем на кольцо.

Я подтягиваю босые ноги на сиденье и непроизвольно кривлюсь от боли, задев ремнем безопасности ранки на плече.

— Больно? — тут же реагирует Курт, за доли секунды разгоняя машину до сумасшедшей скорости.

Мы несемся вперед, обгоняя, перестраиваясь из полосы в полосу, безбожно нарушая правила. Будь на месте водителя обычный человек, я бы забеспокоилась о своей безопасности, но в реакциях взрослого лаэрда сомневаться было глупо.

Молчание затягивается, и мне почему-то становится неловко от окружающей нас двоих тишины. Радио хоть бы включил!

— Почему вы все так странно отреагировали на то, что Микаэль меня покусал? — спрашиваю первое пришедшее на ум, лишь бы не сидеть молча.

Мужчина кидает в мою сторону быстрый взгляд и резко крутит руль вправо, легко обходя на повороте легковушку.

— Ева, а как много ты знаешь о лаэрдах?

Я задумчиво смотрю вдоль автомагистрали.

Что он имеет в виду, говоря «как много», если я сама узнала о том, что демон, не больше полугода назад, когда Стерва не приняла мое интервью с Мариусом Буркхардом. Именно тогда у меня случился срыв, и демоническая составляющая неожиданно вырвалась на волю. Хорошо, что оперативники УНЗД отреагировали мгновенно, а то терзалась бы я сейчас муками совести над могилкой растерзанного редактора. А так меня сочли полезным в работе кадром и приняли в управление по надзору за демонами.

Большую часть информации о лаэрдах я получила в управлении. В основном это были краткие выжимки знаний, собранных многими поколениями людей. Я была в курсе всех организованных демонами конфликтов, знала подробности спровоцированных военных действий, имела представление о спекуляциях на финансовых рынках, знала о развязанных ими войнах...

Короче, знала я много. Вот только стоит ли демонстрировать мою осведомленность лаэрду, ведущему машину? Нет, лучше не стоит этого делать, иначе он сразу догадается о моей причастности к определенным структурам. А я планирую выполнить хотя бы пункт третий алгоритма действий на сегодня...

— Курт, а давайте вы первый ответите на мой вопрос, а потом уже я на ваш? — невероятно ловко ухожу от ответа.

Мужчина едва заметно улыбается и кивает.

— Мика предлагал тебе интимную близость, — говорит он с такой интонацией, словно зачитывает правило орфографии. — Ты бы знала это, если бы занималась сексом с лаэрдами.

От неожиданности я давлюсь застрявшим в горле воздухом и захожусь в судорожном кашле. Курт участливо поглядывает в мою сторону.

— Лучше? — заботливо уточняет он, а в глазах смешинки. — Так вот, — едва дождавшись моего кивка, продолжает лаэрд, — секс — один из самых сильных наших

инстинктов. Мы можем заниматься им в теле людей, демонов и в пограничной трансформации...

— Извините, Курт! — перебиваю в панике мужчину. — Если честно, я как-то не готова обсуждать с вами такое.

Он оборачивается ко мне и смотрит с явным удивлением.

— Какое такое?

— Личное! — возмущенно пишу я и вновь решительно меняю тему: — Вы хотели что-то у меня спросить?

Курт довольно улыбается, так, словно ему понравилось заставлять меня чувствовать смущение и неловкость.

— Мне кажется, слово «интимное» подошло бы сюда гораздо лучше, но как знаешь... — Он обходит еще две машины и поднимает стрелку спидометра до отметки 200. — Значит, секса с демонами у тебя никогда не было?

[Купить полную версию книги](#)